

**АрТ
ефа
КТ
детектив**

Доска из сандалового дерева
в конце XIX века принадлежала
великому русскому шахматисту
Михаилу Чигорину. Похоже, она хранит
какую-то тайну, раз спустя столько лет
люди идут на преступления, чтобы
завладеть ее фигурками...

ЕВГЕНИЯ ГРАНОВСКАЯ

Мраморный король

ЭКСМО

Евгения Грановская
Мраморный король
Серия «Марго Ленская и дьякон
Андрей Берсенеv», книга 5

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182647
Мраморный король: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25798-0*

Аннотация

В маленьком приморском городке произошло неслыханное для этих мест событие – ограбление краеведческого музея. Но вор оказался странный: он не взял самый ценный экспонат – шахматную доску из сандалового дерева, которую в конце XIX века подарили великому русскому шахматисту Михаилу Чигорину, – а довольствовался только тремя черными фигурами: слоном, конем и королем. А вскоре в городе произошли громкие убийства – судьи и главы охранного агентства. На месте этих преступлений были найдены фигуры слона и коня... Дьякон Андрей Берсенеv и журналистка Марго Ленская, расследующие эту историю, уверены, что третье убийство не заставит себя ждать. Для кого же предназначен черный король?..

Содержание

Пролог	4
Глава 1	29
1	30
2	36
3	49
4	55
5	57
6	64
7	69
8	74
Глава 2	79
1	80
2	85
3	100
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Евгения Грановская

Мраморный король

Пролог

*Мир не безумен – просто безымян,
Как этот город N...
Лев Лосев*

В городе Чудовске летом жарко, но к концу августа жара спадает, уступив место прохладному бризу, который лениво перебирает листву на темных каштанах и играет длинными волосами женщин, сидящих в шезлонгах и пластиковых креслах летних кафе.

Синее море как нельзя лучше сочетается с тонкими талиями и загорелыми плечами женщин, делая их похожими на задумчивых, печальных русалок. Печаль эта разлита в воздухе, как неслышная музыка, и придает всему – людям, домам, деревьям и даже самому воздуху какой-то мягкий и не совсем реальный оттенок.

– Неужели все так, как вы рассказываете? – недоверчиво спрашивает мальчик у старого клоуна.

– Даже еще лучше! – отвечает тот.

На губах клоуна блуждает улыбка. Мальчик кивает, но печать недоверия, пусть уже и значительно поблекшая, все еще

остается на его лице.

Они познакомились пять лет назад на задворках ресторана, когда мальчик копался в мусорном баке, надеясь раздобыть себе к ужину какую-нибудь корку, а если повезет, то и остатки котлеты или бифштекса.

Старик появился из-за угла, остановился и уставился на мальчика. Затем улыбнулся и сказал:

– Приветствую тебя, прелестное создание!

«Вот еще один псих», – горестно подумал мальчик, прижимая к груди кусок ветчины и понимая, что с трофеем теперь, скорее всего, придется расстаться.

Но вместо того, чтобы напасть, странный незнакомец снял с плеча рюкзак, достал из него апельсин и протянул мальчику.

Мальчик не поверил своим глазам: до сих пор никто ничего ему не дарил. Люди, которых он встречал в подворотнях, рады были отнять у него последнее.

Но седой незнакомец оказался совершенно не таким, как другие. Он был странным. Мало того что он раздавал направо и налево еду, так он еще и играл на трубе. И на гармонике. И... Более того – зарабатывал себе этим на жизнь.

Поскольку мальчик не смог толком объяснить старому клоуну, откуда он взялся, клоун решил, что мальчишка этот – ничей, и предложил ему свое покровительство. С тех пор они всюду странствовали вместе, деля еду и ночлег.

Пять лет назад у клоуна было много инструментов – флей-

та, саксофон, труба, гитара, гармонь. Но со временем звон бутылок стал для клоуна приятнее мелодий Грига и Брамса. И чем чаще звучала музыка бутылок, тем меньше инструментов оставалось в багаже у старого клоуна. Теперь у него была только гармонь да медная труба – слегка помятая, потемневшая от времени.

Но зато они до сих пор были вместе – мальчик и старый клоун.

– Неужели это все правда? – спрашивал мальчик, когда клоун рассказывал ему о море.

– Да, мальчик. Это правда. Погоди немного, и ты сам все увидишь.

Мальчик никогда не видел моря, но хорошо его себе представлял. В кармане он носил маленький календарик, на котором был изображен пенистый прибой, желтый песок, пальма и прекрасная обнаженная девушка, вглядывающаяся в даль из-под ладони. Ветер разметал длинные светлые волосы девушки, словно ее голова была охвачена белым пламенем.

Когда мальчику было плохо, он доставал календарик из кармана и подолгу его разглядывал. Картинка будоражила воображение мальчика, превращая его из ребенка в мужчину, ибо сцены, пережитые в воображении, значат для юноши гораздо больше, нежели события, происходящие в реальности, особенно когда эта реальность так удручающе жестока и грустна.

Мальчик и старый клоун шли к морю. Шли неторопливо,

как люди, твердо уверенные в том, что, как бы ни был извилист и сложен их путь, он все равно приведет туда, куда надо.

Чаще всего они шли пешком. Старый клоун утверждал, что пешие прогулки – это настоящий кладезь здоровья, поскольку они закаляют тело, будят воображение и дают пищу для ума. Мальчик не спорил с клоуном, хотя у него были собственные соображения на этот счет. Пешие прогулки, может быть, и укрепляют тело, думал мальчик, но зато здорово изнашивают обувь.

Прохладным и пасмурным сентябрьским днем странствующие артисты вошли в приморский город Чудовск, примечательный лишь тем, что на гербе его красовался лев, хотя доподлинно известно, что львы никогда не водились в этих широтах. Было три часа пополудни. Первым делом мальчик и клоун направились к морю.

– Взгляни, малыш, это море! – воскликнул старый клоун, подставляя лицо холодному бризу, который принялся играть его длинными седыми волосами. – Зачем тебе сирен сырые голоса, когда ты час назад простился с Ариадной? Пусть ветер черные наполнит паруса – иной мелодией, невнятной и прохладной!

Мальчик понял, что это стихи, но сам он был равнодушен к стихам, поэтому вместо того, чтобы орать почему зря, он просто закатал штанины и вошел в это море по колено. Вода была холодной, простор – безграничным.

Непонятно почему, но мальчик почувствовал в груди вол-

нение. Это ему не понравилось. Он вышел из воды и опустил штанины.

– Ну как? – спросил его клоун, восторженно глядя вдаль.

– Нормально, – ответил мальчик. – Нам пора. Скоро стемнеет, а у нас нет ни рубля, чтобы купить себе на ужин еды.

Побродив по городу и узнав все, что им было нужно, клоун и мальчик расположились под большим раскидистым каштаном на центральной улице города.

– Здесь неплохо, – сказал клоун. – Уверен, прежде чем стемнеет, мы успеем немного заработать.

– Все, что у нас есть, это надежда, – ответил мальчик, которого годы странствий и лишений сделали мудрым, спокойным и терпеливым.

Народу на улице было немного. Прохожие бросали на странников равнодушные взгляды и спешили по своим делам. В городе, даже таком небольшом, как Чудовск, у людей всегда много дел. И дела эти настолько неотложны, что сделать их можно, лишь хорошенько поспешив.

Наложив грим, старый клоун принялся за дело.

– Драгоценнейшая публика! – крикнул он зычным голосом. – Представляем вашему вниманию передвижной цирк-оркестр «Бим и Бом»! Наше ослепительное шоу состоит из музыки и акробатических номеров! Желающих послушать и посмотреть – милости прошу поближе! Подходите, друзья, подходите! Не стесняйтесь! Сегодняшний вечер мы посвящаем вам, славные жители Чудовска!

Народ удивленно оглядывался на странного пожилого мужчину с раскрашенным лицом. Несколько человек остановились, кое-кто шагнул поближе.

Тогда клоун объявил:

– Драгоценнейшая публика, первым номером нашей программы значатся сатирические куплеты! В наше время этот жанр переживает настоящий ренессанс. Сатира снова в моде, как это было двадцать и тридцать лет назад! Наши куплеты отличаются оригинальностью, поскольку пишем мы их сами! Итак, начнем!

Клоун растянул мехи старенькой гармоники, и пальцы его ловко забегали по клавишам. Проиграв вступление, он зычно запел, где нужно делая паузы, а где нужно повышая голос до хриплого взвизгивания, при этом усиленно помогая себе мимикой.

Жириновский депутатов
Вызывал на прения!
Пятерых лишил мандатов,
Восемнадцать – зрения!

За куплетом грянул бодрый проигрыш. В публике раздались смешки. Клоун, гримасничая, продолжил:

Янкам наши бомбы снятся.
Ах, не нужно нас бояться!
Наш Иван совсем не грозный,

Просто человек нервозный!

В публике откровенно загоготали. И снова последовал проигрыш, во время которого клоун смешил публику невероятными ужимками, и снова он запел своим хрипловатым, зычным, натренированным голосом:

Что на Пасху не грешно,
То в другие дни смешно.
Бить яичком об яичко —
Нехорошая привычка!

Публика хохотала, тыча в клоуна пальцами, и тот старался
вовсю:

Таракан на батарее
Лапкой чешет голову:
«Довели страну евреи!
Подыхаю с голоду!»

– Молодец! – кричали из публики.

– Давай-давай!

– Режь всю правду-матку!

Ободренный успехом, старый клоун спел еще пятнадцать куплетов, после чего в последний раз пробежал пальцами по клавишам гармоники, и музыка стихла.

– Драгоценнейшая публика, сейчас вы увидите зрелище,

которое ошеломит вас! – объявил клоун. – Предоставляю вашему вниманию чудо-мальчика, человека-змею, мышцы и связки которого сделаны из резины! Прошу на арену, коллега Бим! – И он сделал рукой широкий, приглашающий жест.

Старик заиграл на гармонике бравурный марш, и мальчик приступил к действию. Для начала он прошелся перед публикой колесом. Затем походил немного на руках, после чего проделал еще несколько нехитрых упражнений, делая сальто вперед и назад, выгибаясь дугой, доставая ушами до пяток и тому подобное.

Публика вяло аплодировала.

Наконец мальчик перешел к главной части программы – он снова встал на руки, секунду побалансировал, затем перекинул центр тяжести на левую руку, а правую поднял вверх. Теперь он стоял на одной левой руке. Клоун протянул мальчику трубу.

– Будь осторожен, – тревожно шепнул он мальчику.

Мальчик взял трубу свободной рукой, поднес ее к губам и заиграл. Играть вверх ногами было неудобно. Можно даже сказать – тяжело. Левая рука, на которой стоял мальчик, подрагивала от напряжения, но со стороны это было незаметно. Закончив мелодию, мальчик вернул трубу старому клоуну и одним прыжком вскочил на ноги.

На этот раз аплодисменты были погуще. Кто-то даже вяло крикнул «браво!».

– А сейчас чудо-мальчик Бим покажет вам то, чего вы ни-

где и никогда не видели, да и вряд ли когда-нибудь увидите! На ваших глазах коллега Бим оторвется от земли и воспарит в небо, а затем, покружив над вашими головами, плавно опустится на землю! А чтобы вы не заскучили, пока он будет парить в нижних слоях стратосферы, я буду сопровождать его полет волшебными звуками музыки!

Мальчик встал на изготовку, раскинув руки в стороны, и клоун поднес к губам медную трубу. И старая труба ожила в его руках. Из нее понеслись плавные, будоражащие душу звуки.

Мальчик напрягся и устремил взгляд к небу. Публика за-таила дыхание, не в силах поверить в то, что сейчас произойдет. Мальчик поднялся на носки и вытянулся в струнку – казалось, еще мгновение, и он воспарит над землей, подобно хрупкому, худому ангелу...

Вдруг старый клоун сбился, отвел от губ трубу, согнулся пополам и зашелся в кашле. Мальчик вздрогнул и тревожно повернулся к старику. Публика недовольно загудела.

– Сейчас, – пробормотал старый клоун и снова приложил к губам трубу. Но приступ кашля опять согнул его пополам.

– Халтурщик! – крикнули из толпы.

– Опохмелиться забыл, чудака?

– Эй, бомжи, а разрешение на выступление у вас есть?

– Куда только смотрит милиция?

– Гнать их отсюда поганой метлой!

Высокая дама в бежевом пальто брезгливо наморщила гу-

бу и строго произнесла:

– Эти бродяги разносят инфекцию! Нужно выдворить их из города!

Один из зрителей, толстый, с развязными манерами, выскочил тотчас же привести этот план в исполнение. Он подошел к старому клоуну и угрожающе проговорил:

– Сейчас я тебе покажу, как разносить инфекцию, мерзкий старик!

Толстяк угрожающе навис над клоуном и поднял руку для удара, и тут мальчишка, до сих пор стоявший молча, издал странный звук, похожий на кошачье шипение, и в его руке появился нож с узким, длинным, блестящим лезвием.

– Только попробуй, – прошипел мальчик, глядя на толстяка ненавидящими глазами.

По тому, как засверкали глаза мальчика, толстяк понял, что тот готов пустить нож в дело.

– Ты что, пацан? – изумленно проговорил толстяк. – Хочешь, чтобы я позвал милицию?

– Вызывайте милицию! – крикнул кто-то.

– Скорей, пока он его не убил!

– Этот мальчишка просто бешеный!

– Ну, сделайте же что-нибудь! Он ведь его убьет!

Мальчик, держа перед собой нож, набросил на плечо старику рюкзак, подхватил с земли свою холщовую сумку, с которой никогда не расставался, и, взяв старого клоуна за рукав, потащил его к подворотне.

Каким-то чудом им удалось унести ноги.

Настроение после выступления было отвратительным. Впрочем, в последнее время это стало нормой.

– Времена изменились, – сказал старый клоун, стирая с лица грим. – Люди очерствели душой. Их смешит только чужое горе. Сколько мы заработали?

– Двести рублей, – ответил мальчик.

– Не густо. Если дела и дальше пойдут подобным образом, нам с тобой придется сесть на строжайшую диету.

– Все не так плохо. Просто сегодня нам не повезло.

– Ты думаешь? Что ж, может быть. Возможно, я слишком мрачно смотрю на вещи. Вероятно, я старею. Кстати, этот номер с ножом мне очень не понравился. Прошу тебя, никогда так больше не делай.

– Они могли вас убить, – возразил мальчик.

– Ерунда. Люди не так страшны, как кажутся. Они напускают на себя воинственный вид, чтобы скрыть за ним свои страхи и свою растерянность.

Они сидели в темной подворотне, рядом с мусорными баками. Неподалеку дремал, завернувшись в газеты, старый бомж. Клоун тяжело вздохнул и хотел еще что-то сказать, но вдруг осекся и прислушался.

– Что это? – быстро спросил он. – Ты слышишь?

Мальчик слышал. По переулку кто-то шел – торопливо, почти бегом. Шаги приближались.

– Мне это не нравится, – пробормотал старик. – Пригни голову и спрячься за бак.

Едва они успели спрятаться, как из-за угла вынырнул человек, одетый в дорогую кожаную куртку. Под мышкой у него белел пластиковый пакет. Мужчина шел так стремительно, что запыхался. Он был бледным как полотно. Шагая, мужчина то и дело оглядывался, словно его кто-то преследовал.

Мальчик хотел что-то сказать, но клоун закрыл ему рот ладонью.

Мужчина тем временем поравнялся с мусорными баками. Тут он замедлил ход и швырнул сверток в один из мусорных баков. Затем пугливо оглянулся и заспешил дальше. Пройдя еще несколько шагов, он завернул за угол и исчез.

Некоторое время клоун молчал, потом угрюмо пробормотал:

– Хотел бы я знать, что все это означает.

В ту же секунду за углом гроыхнул выстрел, и кто-то громко вскрикнул.

Мальчик вырвался из цепких рук клоуна и бросился к мусорному баку.

– Остановись! – воскликнул клоун. – Не надо!

Мальчик его не послушал. Он перегнулся через борт и достал сверток незнакомца. Сунул руку в пакет и вынул довольно толстую пачку бумажных листов. Листы были старые, грязные, пожелтевшие, более того – они были склеены,

так сильно склеены, что когда мальчик хотел снять верхний лист, он лишь надорвал его.

– Что это? – спросил старый клоун.

– Какие-то документы, – сказал мальчик. – Если они останутся у нас, мы можем вернуть их за вознаграждение.

– Мне это не нравится, – произнес клоун. – Брось их обратно в бак!

Мальчик прижал пачку к груди и угрюмо покачал головой. За углом послышались громкие голоса, и голоса эти приближались.

– Надо уходить! – тихо воскликнул клоун. – Уйдем через подвал! Хватай сумку!

Мальчик не заставил себя просить дважды. Он поднял с земли холщовую сумку, сунул в нее пачку листов, набросил сумку на плечо, и оба артиста – старый и юный – заспешили к подвалу. Оба были худы и с легкостью пролезли в подвальное окошко. Меньше чем за минуту они прошли подвал насквозь и выбрались на поверхность с другой стороны дома.

– Лучше бы тебе избавиться от этих бумаг, – сказал старый клоун, шагая по едва освещенной тусклыми фонарями улице. – У меня нехорошее предчувствие.

– Вы же не верите в предчувствия, – возразил мальчик.

– Иногда верю, – абсолютно серьезно сказал клоун. – И сейчас как раз такой случай.

Мальчик посмотрел на холщовую сумку, затем перевел

взгляд на старика и отчеканил:

– Мы ничего не заработали сегодня вечером. Как знать, может быть, эти бумаги помогут нам раздобыть немного денег.

– Ты никогда меня не слушаешь, – со вздохом сказал клоун. – Что ж, пусть они пока побудут у тебя. Только не доставай их из сумки и никому не показывай. Он них пахнет бедой.

Мальчик наклонился к сумке и понюхал краешек верхнего листа. Однако он не почувствовал ничего, кроме затхлого запаха старой бумаги.

– Эти люди могут вернуться, – сказал клоун.

– Может, да, – произнес мальчик. – А может, нет. Где мы будем ночевать?

Клоун остановился посреди темной улицы и закрутил головой в поисках укромного места.

Мальчик сдвинул брови.

– Давайте уйдем из города и переночуем у моря, – сказал он. – Мне здесь не нравится.

– Ты думаешь, в городе нам небезопасно?

– Одного врага мы себе уже нажили, – сказал мальчик, имея в виду толстяка, который пытался избить старого клоуна. – Он может привести с собой и других.

Старый клоун подумал и кивнул:

– Ты прав. Нам лучше побыстрее убраться из этого мерзкого городка. В какой стороне море?

– В той, – сказал мальчик, показывая пальцем на запад. – По пути зайдем в магазин и купим чего-нибудь поесть.

– Я бы не прочь отведать жареной курицы, – клоун вздохнул. – Мы можем изжарить ее на костре.

Мальчик, однако, покачал головой:

– Костер может привлечь внимание, – сказал он. – Лучше купим кусок копченого мяса, шоколад и бутылку воды. Этого хватит и на ужин, и на завтрак. Переночуем на берегу, а утром двинемся в путь.

– Да, ты прав, – согласился клоун. – Не знаю, говорил ли я тебе это когда-нибудь, но ты очень мудрый ребенок. Решено, мы купим холодного мяса и шоколада. Это настоящий ужин путешественников!

Клоун поправил на плечах рюкзак, слегка покачнувшись под его тяжестью, но удержал равновесие.

– Что-то меня качает, – проговорил он. – С чего бы это?

– Вы выпили на завтрак бутылку вина, – напомнил мальчик недовольным голосом.

– Верно, выпил, – согласился старик. – Но ты же знаешь, если я не выпью с утра, то к вечеру у меня слабеют ноги.

– А в обед вы выпили две бутылки пива, – снова сказал мальчик.

– Пиво – это пустяки, – возразил старый клоун. – Его нынче пьют даже дети. – Он взглянул вперед и близоруко сощурился. – Если зрение меня не обманывает, я вижу впереди магазин! Думаю, в нем мы найдем все, что нам нужно.

Зрение не обмануло старого клоуна, это и впрямь был магазин.

– Жди меня здесь! – сказал старый клоун мальчику, подходя к двери магазина и сбрасывая с плеч рюкзак.

Мальчик насупился, но возражать не стал.

– Только не покупайте ничего лишнего, – попросил он.

– У нас очень мало денег, чтобы баловать себя излишествами, – улыбнулся старый клоун и вошел в магазин.

Оставшись один, мальчик стал размышлять о странных перипетиях жизни, которая свела его когда-то со старым клоуном и которая бросает их теперь из города в город, нигде не давая надежного пристанища и времени, чтобы хорошенько отдохнуть и оглянуться назад. Есть только дорога, и дороге этой, сколько бы они ни шли, нет конца.

От общего мысли мальчика плавно перетекли к частному. Мальчик вспомнил, что в ближайшие дни необходимо купить теплые вещи, а денег на это нет. И самое неприятное – нет никакой надежды их раздобыть. В последние недели клоун срывает выступление за выступлением. Его постоянно душит кашель, к обеду у него слабеют ноги, и еще – он стал пить больше, чем всегда. И это при том, что он никогда не пил мало.

«Что же делать? – в отчаянии подумал мальчик. – Как же быть?»

Тут дверь магазина, звякнув колокольчиком, распахнулась, и появившийся на пороге клоун прервал поток невесе-

лых мыслей мальчика. В руках он нес маленький полиэтиленовый пакет с печеньем. Из кармана его джинсовой куртки торчало горлышко бутылки.

– Как? – спросил мальчик, мгновенно все поняв. – Опять?

– Прости меня, малыш, – виновато сказал старый клоун. – Я ничего не мог с собой поделать.

– Вы не купили ни мяса, ни шоколада, – проговорил мальчик упавшим голосом. – Спустили все деньги на вино?

– Ты говоришь это таким голосом, будто я спустил на вино миллионы, – с виноватой улыбкой ответил клоун. – А между тем у нас с тобой было всего двести рублей. Не такая большая сумма, чтобы можно было о ней пожалеть.

– Очаровательно пахнет море! Малыш, вдохни этот запах полной грудью, он бодрит мозг и освежает душу! Помнишь, как у поэта?..

Земли моей живой гербарий!
Сухими травами пропах
ночной приют чудесных тварей —
ежей, химер и черепах!

Мальчик невесело усмехнулся. Стихи были совершенно неуместны да и глупы – какие еще химеры? Какие ежи и черепахи? И при чем тут сухие травы?

– Ах, как это замечательно! – продолжал восхищаться старый клоун, глядя на белую, сверкающую в темноте полосу

морского прибоя. – Ты знаешь, малыш, Бог создал человека с единственной целью – вырастить из него поэта!

– Бог создал человека, чтобы было над кем поиздеваться, – возразил мальчик. – Почему вы не едите печенье?

– Потому что я его не люблю, – ответил клоун. – Все, что мне сейчас нужно, это глоток терпкого красного вина! Оно заставит мою кровь быстрее течь по жилам!

Старик отхлебнул из бутылки и закашлялся.

– Вам надо к врачу, – угрюмо сказал мальчик.

Несмотря на то что из глаз старого клоуна бежали слезы, он упрямо покачал головой:

– Это просто насморк. Хорош бы я был, если б из-за каждого пустяка бегал по врачам.

– Это не просто насморк, – возразил мальчик. – Это простуда. Вам надо лечиться.

– Ах, оставь. Лучше дай-ка мне трубу!

Мальчик протянул ему трубу, и клоун заиграл.

Мальчик узнал мелодию. В последнее время клоун часто ее играл, но сейчас она звучала особенно удивительно – накладываясь на мерный гул прибоя. Грустная, как всё в этом мире, но неизмеримо прекраснее всего, что доводилось видеть или слышать мальчику.

Старый клоун оборвал игру и закашлялся.

– Не надо вам сейчас играть, – сказал мальчик.

– Почему?

– Нам утром выступать. А вам нужно набраться сил.

– Но моя душа просит музыки, – возразил клоун.

– Душа вам не заплатит. А вот публика заплатит.

Старый клоун посмотрел на мальчика долгим взглядом, как делал почти всегда, когда мальчик заводил разговор о деньгах или вещах, потом вздохнул и сказал:

– Опять ты о своем. Подумай о чем-нибудь высоком.

Мальчик подумал. Еще подумал и сказал:

– Скоро наступят холода. А у нас с вами дырявые ботинки. К тому же вам давно пора купить теплую куртку. Вы постоянно простужаетесь.

Старый клоун хотел что-то сказать, но вместо этого зашелся отрывистым, похожим на собачий лай, кашлем. Мальчик достал из холщовой сумки шарф и принялся повязывать его на тощую шею клоуна.

Тот попытался возразить, но мальчик был настойчив, и клоун в конце концов смирился. Немного придя в себя, он снова взялся за бутылку. На этот раз он сделал несколько больших глотков сразу.

Бутылка почти опустела, и тут клоун опять закашлялся, схватившись рукою за впалую грудь. Мальчик бросился к нему, но клоун остановил его жестом, показав, что все в порядке. Он кашлял еще минуту, затем, мучительно морщась, выпрямился и вытер выступившие на глазах слезы.

– Это все из-за соленого воздуха, – сказал он севшим, хриплым голосом.

– Вам надо показаться врачу, – повторил мальчик.

Клоун покачал седой головой:

– Ах, оставь. Мне не нужны врачи.

Мальчик протянул руку и потрогал клоуну лоб.

– У вас жар, – сказал он.

– Это мое нормальное состояние, – сказал старый клоун. –

Пока все тлеют, я – горю!

Он убрал руку мальчика от своей головы, взял бутылку и допил вино.

Глядя на его бледное, изможденное лицо, мальчик вдруг подумал, что клоун скоро умрет. И тогда мальчик снова останется один, как тогда, пять лет назад. На душе у мальчика стало так тоскливо, что он чуть не заплакал. Но в этот момент клоун отбросил бутылку подальше и бодро сказал:

– Пора укладываться спать. Я лягу здесь, а ты забирайся под лодку. Она защитит тебя от ветра.

– Но вам нельзя спать на ветру, – возразил мальчик.

– Ветер может и перемениться, – сказал старый клоун и улыбнулся, – а под лодкой для меня еще опаснее. Уверен, там гуляет чудовищный сквозняк.

Мальчик попробовал возражать, но клоун был непреклонен, и мальчик вынужден был забраться под лодку.

Под лодкой было чуть теплее, чем снаружи. Гул прибоя звучал приглушенно. За дощатым бортом забормотал и зашуршал песком, раскатывая резиновый коврик, клоун. Мальчик прислушался, стараясь разобрать, что он бормочет, но разобрал только несколько слов «...стало... слишком...

Господи...» и затем – тяжкий, долгий вздох.

Мальчик достал из холщовой сумки пачку листов, которые полтора часа назад он вытащил из мусорного бака, чиркнул зажигалкой и в зыбком, дрожащем свете пламени пригляделся к буквам на верхнем листе. Пригляделся – и испытал легкое разочарование. Буквы были старинные. Твердые знаки на концах слов, палочки с точками. Это точно не банковская документация. Мальчик вздохнул и спрятал пачку листов в большую холщовую сумку, в которой хранил все свои запасы и с которой никогда не расставался. Затем положил сумку под голову, закрыл глаза и уже через минуту спал так крепко, как только может спать двенадцатилетний ребенок после изматывающей круговерти дня.

– Кто здесь? – громко спросил клоун, поднимая голову с коврика и вглядываясь в темноту.

– Я, – тихо ответили ему откуда-то сверху.

Клоун протер кулаками сонные глаза. Теперь он увидел говорящего. Тот стоял прямо перед клоуном, высокий, широкоплечий, в длинной куртке.

– Кто вы? – спросил клоун мужчину.

– Ваш друг, – ответил тот. – Или враг. Смотря по тому, как пойдут наши дела.

Старик попытался рассмотреть во мраке лицо незнакомца, но не смог.

– У меня есть оружие! – предупредил старый клоун, при-

давая своему голосу решительную интонацию. – Идите своей дорогой, если не хотите нарваться на неприятности!

Незнакомец остался стоять там, где стоял. Клоун снова попытался разглядеть его во тьме, но увидел лишь, что собеседник его довольно молод, а на щеке у него небольшой багровый шрам.

Где-то рядом хлопнула дверца машины. Старик повернул голову и увидел метрах в двадцати вспыхнувший огонек сигареты. Кто-то стоял возле машины и курил.

– Что вам нужно? – взволнованно спросил старый клоун.

– У вас есть что-то, что вам не принадлежит, – спокойно ответил незнакомец.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Я говорю о рукописи, – медленно и четко сказал незнакомец. – О старой рукописи. Отдайте ее мне, и я уйду.

Мужчина со шрамом вынул руку из кармана, и клоун увидел, что в руке у него пистолет.

– Зачем это? – спросил клоун, вскинув брови.

Мужчина не ответил. Старый клоун незаметно покосился на лодку, под которой спал мальчик, и хрипло проговорил:

– Я ничего не знаю про рукопись. Вы ошиблись. Я простой артист и никому не хочу зла. Пожалуйста, уходите.

– Брось, старик, – сказал незнакомец. – Этот бомж хорошо тебе описал. Длинные седые волосы, джинсовая куртка, футляр с трубой. Тебе не удастся меня обмануть. – Подул ветер, и незнакомец зябко передернул плечами. Взгляд его

упал на лодку.

– А что... – начал было он, но тут старый клоун вскочил на ноги и бросился прочь от лодки.

Мужчина выругался и побежал следом. Они пробежали метров двадцать, когда незнакомец настиг старика и повалил его на землю.

– Лежи смирно, – приказал мужчина. – Если не хочешь, чтобы я...

В руке у незнакомца что-то громко тьякнуло, и лицо старика на мгновение озарила вспышка света. Старик застонал и заелозил по земле ногами.

– А, черт, – с досадой проговорил мужчина, убирая пистолет. – Прости, старик. Я не хотел стрелять. По крайней мере, не сейчас.

Клоун попробовал что-то сказать, но изо рта у него потекла кровь. Мужчина со шрамом поднялся на ноги, чтобы не испачкать кровью куртку.

– Старик, твоя рана не смертельна, – сказал он. – Если ты скажешь мне, где рукопись, я перевяжу тебя и отвезу в больницу. Ты будешь жить. Ты ведь хочешь жить, старик?

Глаза клоуна, все это время глядевшие на незнакомца с ужасом, подернулись пеленой, он хотел что-то сказать, но вместо этого глухо застонал.

Мужчина сплюнул себе под ноги и коротко выругался. К нему неторопливой походкой, попыхивая сигаретой, подошел второй. Этот был коренастый, но тоже широкоплечий.

– Где рукопись? – грубо спросил курильщик.

– Он не сказал, – ответил ему мужчина со шрамом.

– Тогда какого черта ты его застрелил?

– Это случайность.

Курильщик присел возле старика и взгляделся в его лицо.

Затем повернулся к мужчине со шрамом и тихо спросил:

– Кончается?

Тот кивнул.

– Да.

– Черт... – Курильщик поднялся на ноги. – Ты уверен, что это тот самый старик? – спросил он раздраженным голосом.

– Не знаю. Но он похож по описанию... – Мужчина со шрамом немного помолчал, потом спросил: – Оставить его так?

– Как хочешь, – небрежно ответил курильщик. – Он в любом случае сдохнет. К тому же я проиграл пешку. Он и будет нашей пешкой. Взгляни. – Курильщик передал человеку со шрамом листок бумаги. Тот посмотрел и кивнул:

– Да. Подходящая жертва. Его наверняка никто не будет искать.

Курильщик повернулся и пошел к машине. Мужчина со шрамом посмотрел на хрипящего старика, вытянул руку с пистолетом и нажал на спуск. Затем повернулся и тоже зашагал к машине. Через минуту во тьме тихо заурчал мотор двигателя, и машина, окинув пустынный берег желтыми шупальцами фар, покатила прочь от моря.

Старый клоун был мертв. Мальчик вынул из кармана пластиковую зажигалку, сломал ее и вылил горячее на грудь старику. Затем достал из кармана джинсовой куртки старика другую зажигалку и крутанул колесико.

Когда тело старика занялось огнем, мальчик забросил на плечо холщовую сумку и, не оглядываясь, побрел вдоль вздыхающей полосы прибоя. В этих вздохах ему слышалась музыка, тихие, едва различимые звуки трубы.

В песке что-то белело. Мальчик наклонился и поднял листок бумаги. Это был тот самый листок, который курильщик показывал незнакомцу со шрамом. Мальчик несколько секунд смотрел на него, потом спрятал в карман.

Он шел, пока на востоке не всплыл величественно огромный, багровый диск солнца, и ни разу за это время не оглянулся. Но когда солнце взошло, мальчик остановился, сошел с дороги и сел под кустом, чтобы перевести дух. У него еще оставалось немного овсяного печенья, и он неплохо им позавтракал.

Глава 1

Пропавшие фигуры

*Судья, вы забыли о смерти,
Что смотрит вам через плечо...
Борис Рыжий*

Чудовск, сентябрь 200... г.

Два дня Игнат бродил по лесу и побережью. От голода у него то и дело сводило живот, и он вынужден был садиться на корточки и пережидать, пока боль отпустит. Только тогда он мог идти дальше.

На исходе второго дня Игнат набрел на костер. Было уже темно, и костер выделялся на фоне темно-синего неба ярким оранжевым пятном.

Перед костром стоял деревянный стол, а за ним сидели с картами в руках трое парней. Игнат минут двадцать наблюдал за ними, спрятавшись за куст бузины. На вид парни были не опасны. Они играли в карты, пили вино, разливая его по стаканам, и ели крупно нарезанную колбасу, выкладывая ее на хлеб вместе с кусками сыра.

Самый высокий из парней был одет в светлое пальто с поднятым воротником. У него были длинные светлые волосы, бледное лицо и тонкие губы. Игнату он показался настоящим красавцем.

Остальные двое были попроще и выглядели полной противоположностью друг друга. Первый – приземистый, стриженный под машинку, с толстой, бычьей шеей и широчеными плечами. Второй – тощий и носатый.

Игнат видел сыр, колбасу, хлеб. Он не ел почти сутки, и запах еды вскружил ему голову.

Первым его заметил тощий.

– Смотри-ка, Каштан, кто это там идет? – сказал он, обращаясь к длинноволосому высокому красавцу.

– Какой-то мальчишка, – проговорил второй, тот, что был похож на низкорослого упитанного бычка.

Красавец Каштан, бывший, по всей вероятности, главарем компании, не удостоил их ответом. Лишь когда Игнат остановился в нескольких шагах от костра, Каштан лениво повернул светловолосую голову, посмотрел на него и сухо проговорил:

– Эй, парень, подойди сюда.

Игнат подошел к столу. Каштан быстро посмотрел по сторонам, затем оглядел мальчика с ног до головы, остановил взгляд на его лице и спросил:

– Ты один?

– Да, – ответил Игнат.

– Без взрослых?

– Я сам по себе.

Каштан одобрительно кивнул.

– Понимаю. Я сам в твои годы бродяжничал. – Он перевел взгляд на жилистого и коротко приказал: – Штырь, налей мальчишке вина.

– Я не хочу пить, – сказал мальчик.

– А есть?

– Есть хочу.

Каштан криво усмехнулся.

– Так вот, у нас есть правило: прежде чем что-то съесть, ты должен выпить. Ты по-прежнему хочешь есть?

– Да.

– Штырь, налей нашему гостю вина. Да не жмись, лей до краев.

Тощий парень наполнил стакан и, ухмыляясь, пододвинул мальчику.

– Пей, – сказал Каштан.

Игнат посмотрел на разложенные на листе бумаги кусочки колбасы, сыра и хлеба, взял стакан обеими руками и сделал большой глоток. Хотел поставить стакан на стол, но Каштан сказал:

– Нет. До дна.

Мальчик вновь поднес стакан ко рту и, запрокинув голову, выпил все вино.

– Молодец, – одобрил Каштан и пододвинул ему тарелку с колбасой. С полминуты он молча смотрел, как мальчик уплетает колбасу, потом улыбнулся мягкой, дружелюбной улыбкой и сказал: – Меня зовут Каштан. Он – Штырь. А вот этот, с круглой головой – Шар. А как зовут тебя?

– Игнат, – ответил мальчик.

– Выпьешь еще, Игнат?

– Только немного.

И он выпил еще немного.

– В покер играешь? – спросил его Каштан, собирая со стола карты.

Игнат покачал головой:

– Нет.

– Почему?

– Просто не играю, и все.

– Мужчина, который не умеет играть в покер, – не мужчина, – сказал на это Каштан. – А ну, Шар, подвинься.

Коренастый подвинулся, и Игнат сел с ним рядом.

– Правила простые. Сначала сдаем каждому по пять карт...

Каштан был хорошим учителем, и уже через пятнадцать минут мальчик знал все правила этой не сложной, в общем-то, игры.

– Ну как? – мягко поинтересовался Каштан. – Сыграешь с нами разок? На пробу.

Мальчик покраснел и тихо сказал:

– У меня сейчас нет денег.

– Нет денег? – переспросил Каштан.

– Нет денег! – насмешливо воскликнул Штырь.

– «Нет денег», – с ухмылкой передразнил Шар.

– Ты можешь сыграть в долг, – спокойно и дружелюбно сказал Каштан. – Сколько тебе одолжить? Сто рублей? Двести? Или сразу пятьсот?

Каштан вытащил из кармана несколько купюр и протянул их мальчику.

– Держи! Отыграешься – вернешь.

Игнат посмотрел на деньги, затем перевел взгляд на длин-

новолосого красавца и сказал:

– Я не могу их взять.

– Брось. Ты ведь мой друг. Ты сидишь со мной за одним столом, я пил с тобой вино. А я не каждого пускаю за свой стол и не с каждым пью вино. Шар, подтверди!

– Подтверждаю, – кивнул широкоплечий крепыш, пережевывая кусок колбасы мощными челюстями. – Одного чудака Каштан отправил в реанимацию за то, что тот без приглашения сел к нему за стол.

– Видишь, – улыбнулся Каштан. – На свете мало людей, которые называют меня другом. Еще меньше тех, кого я называю другом. Поэтому бери деньги и не спорь. Или я буду считать, что ты отказался от моей дружбы.

Отказываться было нельзя, и мальчик нехотя вступил в игру. В перерывах между сдачами Шар разливал вино по стаканам, и все пили. У Игната начала кружиться голова, но он не хотел отстать от этих взрослых, сильных парней.

Проигрывал он помалу, но как-то вдруг оказалось, что денег у него больше нет.

– Ничего страшного, – с дружелюбной улыбкой заверил его Каштан. – Не везет в картах, повезет в любви. К тому же ты еще можешь отыгаться. Новичкам везет. Я чувствую, что ты не встанешь из-за стола, пока не уделаешь нас по полной программе!

– Правда чувствуешь? – недоверчиво спросил Игнат.

– Конечно. Вот держи! – Каштан сунул ему в руку еще

несколько купюр. — Отыграешься — отдашь. Шар, раздавай!

И игра возобновилась. Игнат пил вино, играл в покер и спустя еще полчаса с удивлением обнаружил, что деньги опять кончились. Кроме того, к головокружению добавилась странная сонливость, словно кто-то наклеил ему на веки пластилин. Несмотря на проигрыш, Игнат чувствовал себя счастливым. «Я такой же, как они, — думал он, глупо улыбаясь. — Они меня приняли. И они меня любят».

Ему вдруг захотелось обнять Каштана и сказать ему что-нибудь дружеское. Например: «Каштан, я рад, что тебя встретил. И я рад, что ты теперь мой друг!»

— Каштан, я... друг... рад... — пробормотал он заплетающимся языком и наклонился к Каштану, чтобы обнять его, но вместо этого потерял равновесие и свалился со скамейки на землю.

— Эге, да ты уже совсем хорош! — весело сказал Каштан. — А ну-ка, Штырь, покажи ему, где матрас.

Рыжеусый, лысоватый, толстенький мужчина со звучным именем Дмитрий Иосифович Каплер сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и держал в вытянутых пальцах дымящуюся сигару.

– Дьякон, это лучшая сигара из всех, какие мне когда-либо приходилось курить! – сказал он, сияя белозубой улыбкой. – А что же вы сами?

– Не хочется, – ответил ему человек в рясе, сидевший напротив.

Этот был молод, высок и строен. На вид ему можно было дать лет тридцать. Длинные темные волосы, тонкий нос, смуглая кожа и золотисто-карие глаза, про какие в романах обычно пишут – «эти глаза разбили сердце не одной женщине».

Рыжеусый Каплер склонился над шахматной доской, немного подумал и уверенно двинул вперед слона.

– Ваш ход, отец Андрей, – с улыбкой сказал он, откидываясь на спинку кресла.

Дмитрий Иосифович был директором краеведческого музея Чудовска и большим любителем шахмат. Два раза в неделю он заглядывал к дьякону сыграть партию-другую. Играли они примерно на равных, и это придавало игре особый азарт, поскольку никогда нельзя было предугадать, кто же окажет-

ся победителем.

Дьякон протянул было руку, чтобы сделать ход, но вдруг замер.

– Что случилось? – спросил Дмитрий Иосифович.

Отец Андрей сделал знак рукой, затем беззвучно соскочил с кресла, быстро прошел к двери, бесшумно ее распахнул и скрылся в соседней комнате.

Что-то черной молнией метнулось к форточке, но дьякон был очень расторопен. Он схватил улепетывающего воришку за ногу и вдернул его обратно в комнату. Мальчик вскрикнул от неожиданности и попытался вырваться, но отец Андрей держал хоть и мягко, но крепко.

– Не бойся, – сказал он брыкающемуся мальчишке. – Я не причиню тебе вреда.

Поняв, что бороться бесполезно, мальчик затих. Вид рясы его немного успокоил. Мальчик по опыту знал, что священники, в массе своей, народ жалостливый, и ничего не стоит обвести их вокруг пальца. Надо только принять виноватый вид, говорить смиренным голосом, усыпляя таким образом внимание, а затем подгадать подходящий момент и дать деру.

Решив действовать по обычной схеме, мальчик напустил на себя жалкий вид и шмыгнул носом.

– Только не бейте, – тихо захныкал он. – Только не бейте, дяденька...

– Успокойся, я не собираюсь тебя бить, – спокойно сказал

дьякон. – Как тебя зовут?

– Не обижайте меня, дяденька, – продолжал хныкать мальчишка, изо всех сил выдавливая из глаз слезы. – Я нечаянно... Меня старшие мальчишки заставили... Я больше не буду.

– Гм... – сказал отец Андрей и нахмурился, – значит, заставили? Ты можешь назвать имена тех, кто тебя заставил?

– Да, дяденька. Я всех назову... Только не бейте.

Мальчик покосился на окно, прикидывая расстояние для прыжка, но железная хватка священника, опустившего руку мальчику на плечо, ясно говорила, что время для побега еще не пришло.

В комнату, возмущенно пыхтя, ворвался Каплер.

– Поймали воришку! – крикнул он, вытаращив глаза на мальчика. – Вот так-так! Надо срочно звонить в милицию! Вы звоните, а я пока покараулю!

Дмитрий Иосифович хотел схватить мальчика за волосы, но дьякон легким движением отвел голову мальчика от толстых, растопыренных пальцев рыжеусого.

– Погодите с милицией, – сказал дьякон. – Надо сначала во всем разобраться.

– Вот милиция с ним и разберется! – со зловещей усмешкой проговорил Каплер. – Портье внизу рассказывал, что за последнюю неделю постояльцев гостиницы грабили дважды! Теперь понятно, чьих это рук дело!

– Дяденька, я не виноват, – заплакал мальчик. – Это не

я... Меня заставили.

По щекам мальчика покатались слезы. Он наблюдал за взрослыми из-под полуопущенных ресниц, и заметил, что брови дьякона жалостливо дрогнули, однако рыжеусый лишь ухмыльнулся.

– Смотри-ка, и слезу пустил, стервец! Дьякон, неужели вы не видите – он же издевается над вами!

– Не бе-ейте меня, пожа-алуйста... – рыдал мальчишка, вздрагивая всем телом и зарываясь в темную рясу дьякона.

– Тише, парень, тише. – Отец Андрей слегка ослабил хватку и успокаивающе погладил мальчишку по вихрастой голове. – Никто тебя не тронет.

Мальчик прервал плач и посмотрел на священника снизу вверх заплаканными глазами.

– Правда? – спросил он дрогнувшим голосом.

– Правда, – кивнул отец Андрей.

Каплер побагровел.

– Черт, дьякон, – прорычал он, – бесенок пытается вас разжалобить, чтобы удрать.

– Он просто испугался, – возразил отец Андрей. – Это с каждым может случиться.

– А ну-ка, давайте посмотрим, что у него в рюкзаке.

Дмитрий Иосифович схватился за маленький рюкзак, который висел у мальчика на плечах, и быстро расстегнул молнию. Мальчик дернулся в сторону, вскрикнул: «Не бей, дяденька!» и зарыдал пуще прежнего. Дмитрий Иосифович с

торжествующим видом извлек из рюкзака серебряные часы.
– Взгляните! – воскликнул он.

Дьякон посмотрел на часы, нахмурился и перевел взгляд на мальчика.

– Эти часы когда-то принадлежали моему деду, – сказал он. – И я очень ими дорожу.

– Я не знал, – жалобно прогнусавил мальчик. – Я не хотел, дяденька. Честное слово, не хотел.

Он опять зарыдал.

– Нужно положить часы обратно, – деловито проговорил Каплер. – Это вещественное доказательство.

Дмитрий Иосифович сунул серебряный брегет обратно в сумку. В этот момент в дверь постучали.

– Как некстати, – с досадой проговорил дьякон. – Я не хочу, чтобы мальчика здесь увидели, пока мы все не выясним.

– Ну, так идите и отошлите незваного гостя куда подальше, – сказал Каплер. – А я подержу этого стервеца, пока вы будете открывать.

С этими словами Дмитрий Иосифович схватил мальчика за шиворот.

– Только без грубостей, – попросил отец Андрей.

– Не бойтесь, я ему ничего не сделаю.

Дьякон убрал руку с плеча мальчика и направился к входной двери.

Каплер устремил на мальчика победный взгляд, словно говоривший: «Ну вот, маленький мерзавец, теперь ты в моих

руках. Уж будь уверен, сейчас я с тобой разберусь».

Дьякон тем временем дошел до входной двери, повернул ручку замка и открыл ее. Потом зачем-то выглянул в коридор.

– Кто там, интересно? – пробормотал любопытный Каплер, поворачиваясь к двери и невольно ослабляя хватку.

Мальчик не дремал. Воспользовавшись тем, что пальцы Дмитрия Иосифовича на мгновение ослабли, он, как угорь, выскользнул из рук толстяка, одним ловким прыжком достиг окна, скользнул в форточку – и был таков.

– Стой! – крикнул рыжеусый Каплер. – Стой, мерзавец!

Он кинулся к окну и глянул вниз. Мальчишка стремглав неся по переулку.

– Что? – воскликнул дьякон, тоже подбегая к окну. – Убежал?

Мальчик завернул за угол и исчез. Дмитрий Иосифович еще несколько секунд по инерции смотрел в окно, хотя толку от этого никакого не было, затем повернулся к дьякону и виновато пробормотал:

– Убежал. Этот мальчишка ловок, как обезьяна.

– Я вижу, что рюкзак он прихватил с собой, – заметил отец Андрей. – А вместе с ним и мои часы.

– Ох ты черт! – вновь выругался Дмитрий Иосифович. – Простите, отец Андрей! Кабы я знал, что все так обернется, я бы не стал совать часы обратно в рюкзак.

– Ничего не поделаешь, – ответил на это дьякон. – Кстати,

боюсь, что пропали не только мои часы. Проверьте карманы своего пиджака.

Каплер поспешно зашарил по карманам.

– О черт! – страдальчески протянул он. – Неужели?.. Мой бумажник! Когда же он успел?

– В то время, когда вы обыскивали рюкзак, – сказал дьякон.

– Так вы заметили?

– Я заметил только, что его рука скользнула по вашему пиджаку. Но тогда я не придавал этому значения.

– Дьяволенок! – крикнул Дмитрий Иосифович. – Нужно немедленно позвонить в милицию!

Отец Андрей скептически покачал головой.

– Не думаю, что это поможет, – произнес он. – Вы же сами сказали: мальчишка ловок, как кошка. Он наверняка знает здесь все входы и выходы.

– Вы как будто восхищаетесь им, – с упреком проговорил рыжеусый Каплер.

Отец Андрей пожал плечами.

– Ладно, – примирительно сказал Дмитрий Иосифович. – Сумма в бумажнике была небольшая, жалеть почти не о чем. Этот мальчишка – член банды подростков. Нам еще повезло, что мы так легко отделались.

– Вы правда верите слухам про банду подростков? – прищурил на музейщика карие глаза отец Андрей.

– Появление этого мальчишки здесь доказывает, что слу-

хи про подростковую банду вовсе не слухи, – возразил Дмитрий Иосифович.

– Гм... – Дьякон потер пальцами подбородок. – Вернемся к шахматам и доиграем партию? – предложил он.

– Давайте, – со вздохом ответил Каплер.

Они вернулись к столу. Дмитрий Иосифович вновь развалился в кресле и разжег потухшую сигару, а дьякон налил себе в рюмку портвейна. После чего приятели продолжили игру.

– Кстати, этот маленький мерзавец заставил меня вспомнить об одном курьезе, – произнес Каплер, глядя на доску. – Ничего значительного, но важен, так сказать, сам факт. Хотя... возможно, я опережаю события, и фигуры просто потерялись.

– О каких фигурах идет речь? – спросил дьякон.

Дмитрий Иосифович грустно улыбнулся.

– Видите ли, в нашем музее есть отдел, посвященный истории шахмат в Чудовске. Еще в конце девятнадцатого века в городе появился шахматный клуб. Его частыми гостями бывали знаменитые русские шахматисты – Чигорин, Хардин, Яновский... Они оставили заметный след в истории нашего города.

Отец Андрей едва сдержался от улыбки.

– Хардин бывал в нашем городе даже трижды, – продолжил Дмитрий Иосифович, попыхивая сигарой. – Вообще-то он был адвокатом. Но прославился именно как шахматист.

Так вот, «гвоздем» экспозиции нашего музея до сих пор был один экспонат. Ценность этого предмета подтверждает то, что несколько музеев Москвы и Санкт-Петербурга неоднократно пытались купить его у нас.

– Что значит «купить»? – поинтересовался отец Андрей. – Разве ваш музей частный?

– О да, – кивнул рыжеусый, – он содержится на пожертвования частных лиц, любителей шахмат.

– Что же это за экспонат?

– Шахматная доска, – ответил рыжеусый. – Сделана из лакированного сандалового дерева с перламутровой инкрустацией.

– Она, вероятно, дорого стоит? – рассеянно осведомился отец Андрей.

Дмитрий Иосифович посмотрел на него с укором и сказал:

– Для нас, энтузиастов шахмат, важно то, что хозяином доски был великий русский шахматист Михаил Чигорин! Именно он подарил доску Хардину, а тот передал ее в дар нашему музею.

– Чигорин? Но ведь он, кажется, не был чемпионом мира.

– Не был, – согласился Каплер. – Хотя несколько раз бывал очень близок к этому. А в 1895 году, на турнире в Гастингсе, обошел сразу двоих чемпионов – прошлого и действующего – старого Стейница и молодого Ласкера.

– Однако и на этом турнире он не стал первым, – заметил

отец Андрей, демонстрируя энциклопедические знания.

– Вы правы, он стал вторым, – нехотя согласился Дмитрий Иосифович. – Но свидетели того матча признали, что это была чистая случайность, потому что Чигорин играл лучше всех!

– Гастингс, Гастингс... – пробормотал дьякон, морща лоб. – Никак не вспомню, кто же в том турнире стал победителем?

– Молодой выскочка! – ответил Дмитрий Иосифович с таким выражением лица, словно у него внезапно разболелся зуб. – Американский шахматист Гарри Пильсбери, которому в ту пору было всего двадцать три года! Он тогда ужасно возгордился, возомнив себя шахматным гением. Но история все расставила по своим местам. Больше он никогда не добивался такого успеха.

– Жаль, – задумчиво произнес дьякон.

Каплер посмотрел на него удивленно.

– Почему?

– Всегда жаль, когда талантливая юность превращается в посредственную зрелость. Вот и ваш Чигорин, несмотря на весь свой талант, не стал чемпионом мира. Хотя в турнирах побеждал самых сильных игроков.

– Ему просто не повезло, – сухо ответил Дмитрий Иосифович, которому разговор о поражениях и проигрышах его кумира не доставлял никакого удовольствия. – Но я собирался с вами говорить не о нем, а о сандаловой доске.

– Да-да, – кивнул дьякон. – Я вас отвлек. Продолжайте, пожалуйста.

– Доска экспонировалась у нас в разложенном виде, с выстроенными на поле фигурами.

– Фигуры тоже из дерева? – уточнил отец Андрей.

Дмитрий Иосифович покачал головой:

– Нет. Фигуры выточены из белого и черного мрамора. Они сделаны гораздо позже и не имеют такой ценности, как доска. В этом-то и вся странность. Вчера утром, обходя музей, смотритель обнаружил кражу!

– Да что вы! Доска Чигорина пропала?

– В том-то и дело, что нет! Грабители не взяли доску. Они взяли... три шахматные фигуры!

Каплер выдержал паузу и посмотрел на дьякона, оценивая, какой эффект на него произвело это известие. Лицо дьякона, однако, осталось бесстрастным.

– В вашем музее есть сигнализация? – уточнил он.

– Да. Ее отключили. Похититель мог унести из музея все, что угодно. А он довольствовался тремя шахматными фигурами. И самое главное – непонятно, как он пробрался в музей. Замки целы, решетки на окнах – тоже. Прямо какая-то мистика!

Дьякон задумчиво прищурился.

– Что это были за фигуры? – спросил он.

– Офицер, конь и король. Все черные. Мы вызвали милицию, но оперативники не нашли никаких следов или отпе-

чатков.

В глазах отца Андрея зажегся неподдельный интерес.

– Вы уверены, что фигуры ничего не стоят? – спросил он.

– Разумеется. Все вместе они, может быть, чего-нибудь и стоили бы. Но по отдельности...

Отец Андрей задумчиво потер пальцами подбородок.

– Как этот комплект попал в музей?

– Нам завещал его один старый коллекционер. Вместе с доской из сандалового дерева, шахматными часами и фарфоровой тарелкой с портретом чемпиона мира по шахматам Эмануила Ласкера.

– Вероятно, этот коллекционер был очень щедрым человеком, – предположил дьякон.

– Он был одинок, – ответил Дмитрий Иосифович. – Ни семьи, ни детей. Утащить коллекцию с собой в могилу еще никому не удавалось.

– У некоторых это получается, – возразил отец Андрей, нахмутив брови и вспомнив, по всей видимости, о чем-то неприятном.

– Ну, может быть. Но в данном случае вся коллекция попала в музей.

Дьякон сделал глоток портвейна и сказал:

– Если грабитель похитил именно эти фигуры, а остальное оставил, значит, они имели для него особый смысл.

– Очень глубокомысленный вывод, – улыбнулся Каплер. – Кстати, ваш ход.

– Мой? – рассеянно повторил дьякон. Он сосредоточил взгляд на доске, двинул вперед ферзя и объявил: – Вам шах.

Каплер беззаботно передвинул короля на соседнюю клетку.

– А теперь – мат, – объявил дьякон и сделал ход конем.

Заместитель прокурора майор Павел Иванович Левкус прибыл на место происшествия через двадцать минут после того, как ему позвонил прокурор. Настроение у него было паршивое. Мало того что жена все утро доставала телефонными звонками, так еще и дочь заявила, что он неудачник и бесхребетник. («Откуда только слово-то такое выкопала», – с досадой думал Левкус.) Да и вообще в последние дни у майора все валилось из рук. Спалил кастрюлю, пытаясь приготовить себе пельмени, потерял проездной на автобус, забыл поздравить тещу с днем рождения. К тому же охотничий магазин возле дома – единственную отраду Павла Ивановича – закрыли по причине нерентабельности. А теперь вот еще и это...

– Ну, что тут у вас? – спросил Левкус, входя в комнату.

– Труп, – ответил ему дежурный следователь Звягинцев. – Чистый, красивый. Не труп – картинка.

Они подошли к мужчине, сидящему в кресле. Голова его была запрокинута назад, на затылке волосы топорщились и были перепачканы чем-то густым и темным. На щеке мужчины красовался застарелый шрам, глаза были закрыты, губы – плотно сжаты. В свесившейся до пола правой руке мужчина все еще сжимал пистолет.

– Выстрелил себе в рот из «макарова», – пояснил следо-

ватель. — Если хочешь посмотреть на его мозги — посмотри на стену. Как тебе такой натюрморт?

— Впечатляет, — ответил Левкус и достал из кармана сигареты. — Я вижу, тебе весело, капитан? Чему радуешься?

— Тому, что это не «глухарь». Нет преступления — нет и дела.

Левкус, однако, не разделял оптимизма следователя. Он повернулся к эксперту, которого знал так же давно, как и следователя, и спросил:

— Что с отпечатками, Василий Петрович?

— Чисто, — отозвался пожилой эксперт, выпрямляясь и поворачиваясь к Левкусу. — «Пальчики» повсюду одни и те же и принадлежат убитому.

Левкус с облегчением вздохнул. Значит, все-таки самоубийство. Это хорошо.

Человека, прострелившего себе голову, звали Иван Иванович Бородин. Он был в городе человеком заметным: возглавлял охранный агентств «Щит», имевшее надежную и безукоризненную репутацию. Услугами агентства пользовались банкиры, директора магазинов и прочие весьма солидные и состоятельные люди. Бородин был вхож в лучшие дома города и был на «ты» с самим мэром города.

И вот теперь он застрелился. Не оставив записки. Это значит, что придется иметь с прокурором долгую, обстоятельную и неприятную беседу. Какого черта он вообще застрелился? Чего ему не жилось?

При мысли о предстоящем докладе прокурору Левкус поморщился.

Минут десять спустя, осмотрев место происшествия и пробежав глазами протокол осмотра, Левкус перешел из комнаты на кухню и закурил. Звягинцев к нему присоединился.

– Ну? – сказал Звягинцев. – А теперь ты объяснишь, каким ветром тебя сюда занесло? Ты ведь, кажется, должен был отправиться в отпуск.

– Отправишься тут, – с досадой пробормотал майор. – Прокурор вызвал. Персонально. Он берет это дело под особый контроль.

– С чего это вдруг?

Левкус кивнул в сторону комнаты и сказал:

– Бородин – его старый приятель. Когда-то они вместе учились в десантном училище.

– Надо же.

Из комнаты вышел эксперт, снял перчатки и тоже достал сигареты. Левкус дождался, пока он прикурит, и спросил:

– Как, Василь Петрович? Все в порядке? Странностей нет?

Пожилой эксперт подумал, поправил пальцем очки и ответил:

– На первый взгляд нет. Детали пока не известны, но смело берусь утверждать две вещи. Первая – смерть наступила около двух часов назад. Вторая – господин Бородин сам вы-

стрелил себе в рот.

– Точно сам?

– Да сам, сам, – кивнул эксперт. – Дверь квартиры была закрыта изнутри, на замок с фиксатором. На ручке замка отпечатки пальцев Бородина. Так же, как и на ручке ящика стола, в котором лежал пистолет. Сам закрыл дверь, сам сел за стол, сам достал пистолет и сам сунул его себе в рот.

Левкус повернулся к Звягинцеву:

– Кто позвонил в милицию?

– Соседи, – ответил тот. – Они услышали звук выстрела, вышли в коридор и позвонили Бородину в дверь. Он не ото-звался. Тогда они позвонили в милицию. Обычная история.

– Значит, дверь была закрыта изнутри, – задумчиво про-говорил Левкус. – А окна? Окна были закрыты?

– Форточка в комнате была открыта, – нехотя признал Звягинцев. – Но забраться через нее в комнату абсолютно невозможно. Здесь шестой этаж. До пожарной лестницы мет-ра три.

В глазах Левкуса появилась тревога.

– Отпечатки с подоконника и оконной рамы сняли? – уточнил он напряженным голосом.

– Конечно, – ответил эксперт.

– Ну, и?..

– Чисто, – сказал эксперт.

Левкус вздохнул и затянулся сигаретой.

– Что ж, может, оно и к лучшему, – философски изрек

он. – Жаль только, что Бородин записки никакой не оставил. Тогда бы точно никаких сомнений.

– Да какие там сомнения, – дернул щекой Звягинцев. – Чистое самоубийство. Не подкопаешься. Так и передай шефу.

– Вряд ли это его утешит, – усмехнулся Левкус. – Но все же лучше самоубийство, чем убийство. Если мне не удастся убедить шефа в том, что Бородин прикончил себя сам, нам с вами придется с утра до вечера вспахивать носами землю в поисках улик.

Следователь Звягинцев пожал плечами, как бы говоря: «Да какие тут к черту улики? Все ведь ясно как божий день». А эксперт лишь хмыкнул.

– Какого черта ему вообще понадобилось стреляться, – в сердцах проговорил Левкус. – У этого парня денег было больше, чем у нас вместе взятых. Я как-то видел, как он обедал в ресторане – одних устриц набрал баксов на триста. А водки выпил – целый графин! И главное, ни в одном глазу.

– Охотно верю, – сказал эксперт, дымя сигаретой. – С такой комплекцией, как у него, только в одиночку на медведя ходить. Если бы стрелял в сердце, точно бы остался жив!

Мужчины помолчали. Всех поразили контраст между воспоминаниями о рослом, могучем мужчине, пышущем здоровьем, и бледной, аморфной грудой мяса, сидящей в кресле с простреленной головой.

– Да, – задумчиво протянул Звягинцев. – Судьба человека

– загадка.

– Какого черта ему понадобилось стреляться, – вновь повторил Левкус, досадливо морщась. – Чего ему не хватало?

– Мало ли, – пожал плечами эксперт. – Может, были проблемы по мужской части?

– Проблемы? – Левкус прищурился. – Василь Петрович, ты его любовниц видел? Клаудия Шиффер отдыхает. Самодовольнее физиономии, чем у Бородина, я в жизни не видел.

– И тем не менее он мертв, – грустно пробормотал эксперт.

– Н-да... – Левкус глубоко затянулся сигаретой. – Родственникам сообщили?

– Да какие там родственники, – хмыкнул Звягинцев. – Бородин ведь холостяк. Жил один, без жены, без детей. Родители у него давно умерли.

– Да-да, я помню, – кивнул Левкус. Он поискал глазами, куда бы бросить окуроч, и после секундного колебания вмял его в кадку с цветами. – Ладно, поеду к шефу, отпрапортую.

– Успеха, – сказал эксперт.

– Мыло дать? – осведомился Звягинцев.

Судмедэксперт Василий Петрович Штерн, несмотря на весь свой внешний цинизм, был глубоко верующим человеком. Вот уже пятнадцать лет он вскрывал тела и всякий раз, «работая» с трупом, включал фоном классическую музыку. В основном Моцарта, Гайдна или Россини.

Музыка помогала ему настроиться на философский лад и воздвигнуть между собой и лежащим на столе телом что-то вроде невидимой стены, прочно разделяющей два царства – царство живых и царство мертвых. Только так он мог смотреть на труп без внутреннего содрогания и даже с интересом, как смотрят на пластмассовый манекен или восковую фигуру.

Несмотря на большой стаж, Василий Петрович Штерн все еще был человеком мягким и жалостливым, и особенно сильно переживал, когда ему приходилось вскрывать трупы молодых людей и девушек. Каждый раз, когда это случалось, его поражала нелепость ситуации. Он, пожилой человек, которому давно пора «на полку», режет ножом юношей и девушек, которые только начали жить... Это было абсурдно, и это было печально.

К счастью, директор охранного агентства «Щит» Иван Иванович Бородин не был ни молодым человеком, ни тем более молодой девушкой. И все же эксперту пришлось про-

слушать целиком увертюру к «Севильскому цирюльнику», прежде чем он смог окончательно овладеть собой и сделать первый разрез. Дальше дело пошло без запинок.

– Внешне желудок без патологий и изменений, – наговаривал Штерн на диктофон, деловито и четко работая скальпелем. – Делаю продольный разрез...

Василий Петрович промокнул потный лоб рукавом халата и продолжил работу.

– Вскрываю желудок... Вот черт... Тут что-то интересное... Похоже, какой-то предмет...

Эксперт приподнял предмет скальпелем, ухватил его пальцами и извлек из желудка мертвеца черного шахматного слона, сделанного из материала, напоминающего по виду мрамор.

Держа слона перед носом, Штерн удивленно вскинул брови. Следов борьбы не было ни в квартире Бородина, ни на его лице – значит, Бородин сам проглотил этого офицера. Добровольно! А ведь в фигуре не меньше шести сантиметров!

– Бедный Левкус, – печально проговорил эксперт. – Хотел бы я знать, как он объяснит это прокурору.

Погода стояла сухая и ветреная. Высокая фигура отца Андрея в развевающейся рясе смотрелась несколько зловеще. Он медленно шагал по вечерней улице, держа на отлете дымящуюся сигарету и вдыхая влажный воздух, приправленный запахом прелых листьев и горящих в сквере костров.

– Эй! – окликнул его звонкий юношеский голос. – Отец Андрей?

Дьякон остановился и обернулся.

– Вот так встреча, – сказал он. – Не ожидал увидеть тебя так скоро.

Мальчик стоял возле арки, ведущей в проходной двор, привалившись плечом к стене. «Неплохая позиция», – подумал дьякон.

– Я пришел вернуть вам вашу вещь, – сказал мальчик. – Держите!

Он швырнул дьякону серебряные часы, тот ловко их поймал. Мальчик повернулся, чтобы идти.

– Постой! – окликнул его отец Андрей.

Мальчик глянул через плечо:

– Что еще?

– Ты забыл вернуть бумажник моего гостя.

Мальчик усмехнулся.

– А почему я должен его возвращать? – поинтересовался

он.

– Когда совершаешь благородный поступок, нельзя оставаться на полпути, – ответил отец Андрей. – Предлагаю сделку. Ты вернешь все, что забрал, а я накормлю тебя сытным ужином. Я как раз собираюсь поужинать, но я терпеть не могу есть в одиночестве. И ты сделаешь мне одолжение, если пообедаете со мной.

Мальчик молчал.

– Решайся, – сказал ему дьякон. – Люди постоянно приглашают друг друга на ужин, в этом нет ничего предосудительного.

– А если я не верну вам бумажник толстяка? – проговорил мальчик, изучая лицо дьякона. – Тогда вы отмените свое приглашение?

Отец Андрей покачал головой:

– Нет. Но тогда наш ужин не будет таким приятным, каким мог бы быть.

– Что ж, ладно. – Мальчик достал из кармана бумажник Каплера. Вложив его в ладонь отца Андрея, он сказал твердым голосом: – Только платить будем пополам. Половину вы, половину я.

– Идет, – кивнул дьякон. – Какую кухню ты предпочитаешь?

– А вы?

– Тут за углом есть неплохое вьетнамское кафе. Кормят там недорого, но вкусно.

– Значит, туда и пойдем, – заявил мальчик и, сунув руки в карманы ветровки, решительно зашагал по тротуару.

Дьякон посмотрел, как мальчик водит пальцем по меню, беззвучно шевеля губами, и мягко произнес:

– Рекомендую взять рисовые блинчики, фаршированные куриным мясом.

– А вам они нравятся? – быстро спросил мальчик.

– Да, очень.

– Тогда и я попробую.

Мальчик подозвал официанта и солидно сделал заказ.

– Будешь расторопным – не обижу, – добавил он баском, гордо подняв голову и скосив глаза на дьякона.

Отец Андрей сдержал улыбку и спросил, когда официант оставил их одних:

– Как тебя зовут?

– Игнат, – солидно ответил мальчик.

– Игнат, давно ты этим промышляешь?

– Тем, что «обношу» квартиры? – уточнил мальчик без тени смущения. И покачал головой: – Нет, не очень. Месяца два.

На лице дьякона появилось удивление.

– Однако действуешь ты вполне профессионально.

– Чтобы воровать, большого ума не надо, – сказал мальчик. – Главное – пролезть в открытую форточку, остальное ерунда.

– А если эта форточка будет на третьем этаже?

– Все равно, – ответил мальчик.

Отец Андрей прищурил карие глаза.

– Ты занимался спортом? – спросил он.

Игнат покачал головой:

– Нет.

Подошел официант с заказом. Подождав, пока он выгрузит еду на стол и уйдет, отец Андрей сказал:

– Воровать – дело скверное. К тому же опасное.

– Я знаю, – сказал мальчик с набитым ртом, – но жизнь вообще штука опасная. Да я уже и завязал. С сегодняшнего дня.

– С чего это вдруг?

– Да я давно собирался. Только не знал как. А сегодня решился. Я еще никогда не отдавал «лоху» то, что у него украл. А раз отдал, значит, я уже не вор и пора завязывать. Правильно я рассуждаю?

– Абсолютно, – кивнул отец Андрей, удивляясь мудрости мальчика. – Хорошо, что «завязал», – сказал дьякон. – Это доказывает, что ты не глуп. И что у тебя есть совесть.

– Не знаю, есть у меня совесть или нет, но глупым меня точно не назовешь, – проговорил мальчик. – Видели бы вы, как я играю в преферанс. Мне еще ни разу на мизере паровоз не подцепили! – Мальчик вздохнул и добавил удрученно: – Я и в покер играю, но в покер мне не везет.

– Бери еще блинчик, – сказал дьякон, пододвигая к маль-

чику свою тарелку.

– А вы?

– Да что-то не хочется.

Игнат вздохнул:

– Ладно, давайте. Не пропадать же добру.

Он принялся за блинчики дьякона. Отец Андрей посмотрел, как он ест, и спросил:

– Твои родители живы?

Игнат покачал головой:

– Нет. Погибли в автокатастрофе, когда мне было четыре года.

– Рос в детдоме?

Мальчик вдруг посуровел, отодвинул от себя тарелку и сухо ответил:

– Я не хочу об этом говорить.

– Ладно, не будем, – согласился дьякон. – Ты ешь, ешь. Если не доешь – они это выбросят.

Мальчик посмотрел на тарелку, нахмурился и снова придвинул ее к себе.

– Тут много говорят о какой-то банде подростков, – сказал дьякон задумчиво. – Но я в эти рассказы не верю. У подростков не может быть никакой банды. Они для этого слишком малы. Вот взрослые – другое дело.

– Малы? – Игнат возмущенно выкатил на дьякона глаза. – Ничего не малы! Да подростки любому взрослому нос утрут! А знаете, какой у них главарь? Его даже милиция боится!

– Вот уж в это никогда не поверю, – отрезал отец Андрей. – Чтобы взрослые милиционеры боялись какого-то мальчишку!..

– Да никакой он не мальчишка! – возмутился Игнат. – Ему уже лет двадцать, а то и больше. Он знаете какой? Выше вас ростом! А уж сильный – троих милиционеров раскидает. А еще он умеет делать всякие фокусы.

– Карточные? – уточнил отец Андрей.

– Да нет же! Он умеет... сквозь стены проходить. И невидимым делаться.

– Не может быть.

– Точно вам говорю! Я сам один раз видел. Вышел он из кафе, и мы сразу за ним. А его и след простыл! Все кричат: «Каштан, ты где?» А он уже у нас за спиной. «Эх вы, – говорит, – лохи!» И смеется. А знаете какой у него взгляд? Как у горгоны Медузы! Посмотрит на тебя – и ты окаменеешь!

– Значит, его зовут Каштан?

Игнат вдруг открыл рот и дважды сморгнул.

– Как это вы у меня... выведали? – изумленно проговорил он. – Я думал, вы друг, а вы... За блинчики меня купили! А я продался.

Игнат хотел вскочить из-за стола, но дьякон удержал его за руку.

– Не говори чепухи, – сказал он. – Я не следователь, и ты не на допросе у меня. Мы с тобой просто беседовали.

– Да, беседовали, – с горькой усмешкой проговорил Иг-

нат. — Только я вам все выложил — и про банду, и про Каштана... Ой! — Мальчик вытаращил глаза и заткнул себе рот ладонь.

Движение было столь комичным, что дьякон улыбнулся.

Вдруг мальчик побледнел и уставился сквозь витрину на улицу. Отец Андрей проследил за его взглядом и увидел, что возле афишной тумбы стоит тощий парень в черной бologневой куртке.

— Твой хозяин? — спросил отец Андрей.

Игнат вздрогнул и перевел взгляд на дьякона.

— У меня нет хозяина, — с вызовом ответил он.

— Ясно. Я...

— Спасибо за обед! — Мальчик достал из кармана пятисотрублевую бумажку, швырнул ее на стол и высвободил рукав из пальцев дьякона.

— Постой! — остановил его отец Андрей. — Это слишком много.

— Сдачу оставьте официанту на чай, — сказал мальчик, повернулся и вышел... вернее даже, не вышел, а выскочил из ресторана, как пробка выскакивает из бутылки с шампанским.

Тощий парень поманил мальчика пальцем, зыркнул взглядом по сторонам, повернулся и, сунув руки в карманы куртки, пошел в сторону сквера.

Мальчик тоже посмотрел по сторонам, нахмурился и побрел за тощим парнем. Остановились они возле скамейки, на которой сидели двое – один красивый, с длинными светлыми волосами и в таком же светлом пальто, второй – приземистый и круглый. Красивый, которого звали Каштан, окинул мальчика внимательным взглядом и сказал:

– Ужинаешь в ресторане? Шикарно живешь, Игнат.

– Я просто попил чаю, – сказал мальчик.

– Да ну? – Каштан повернулся к приземистому крепышу и насмешливо произнес: – Слыхал, Шар? Он просто попил чаю.

– Чай нынче дорог, – таким же насмешливым голосом произнес Шар. – Я его себе не могу позволить. Приходится пить виски.

– И почему нынче чай? – поинтересовался Каштан.

– Сходи да узнай, если так интересно, – ответил мальчик.

– Ладно, не обижайся, – примирительно сказал Каштан. – Что добыл сегодня?

– Ничего.

– А что так? День был неудачный?

– Угадал.

– Что ж, бывает.

Каштан помолчал.

– Слушай, Каштан, мне нужно идти, – сказал ему мальчик. – Встретимся завтра, ладно?

– Как скажешь. До завтра так до завтра.

Мальчик хотел идти, но Каштан снова заговорил.

– Подожди, – сказал он. – Напомни, пожалуйста, сколько ты мне должен?

Если до этих слов у мальчика еще теплилась надежда на то, что ему удастся уйти просто так, то теперь он понял, что «просто так» его никто не отпустит.

– Так сколько ты мне должен за ту игру? – повторил свой вопрос Каштан, и зрачки его светлых глаз сузились.

– Десять тысяч, – ответил мальчик.

– С сегодняшнего дня ты должен мне одиннадцать, – сказал Каштан, царапая лицо мальчика холодным, колючим взглядом. – Отныне каждый день я буду набрасывать по тысяче.

– Но это несправедливо! – воскликнул мальчик.

– Несправедливо? Ты мне говоришь о справедливости? Штырь, сколько денег он оставил в ресторане?

– Пятьсот рублей, – глумливо усмехаясь, доложил тощий Штырь.

– Что он при этом сказал?

– «На чай!» – передразнил Штырь слова мальчика.

– Вот видишь, – грустно проговорил Каштан. – Значит, у тебя есть деньги, но ты почему-то не хочешь возвращать мне долг. Пойми, мне не жалко денег. Я мог бы даже простить тебе этот долг. Но это может бросить тень на мою репутацию.

– При чем тут репутация? – хмуро спросил мальчик.

– Ну, как же. Теперь все узнают, что человек, который должен Каштану деньги, разгуливает по ресторанам и оставляет по пятьсот рублей на чай. Что, по-твоему, скажут обо мне люди?

Игнат помолчал. Потом разлепил спекшиеся губы и тихо проговорил:

– Я верну тебе долг, Каштан.

– Когда?

– В ближайшие три дня.

– Не знаю, не знаю... – задумчиво проговорил Каштан. – Не знаю, можно ли тебе верить?

– Я всегда держу слово. Если я сказал, что верну – значит, верну.

– О, да. – Каштан едва заметно усмехнулся. – Я верю тебе, Игнат. Верю, потому что уважаю тебя. Но где ты собираешься взять деньги?

– Это мое дело.

Каштан качнул головой:

– Не совсем так. Это *наше дело*. Ведь если ты ошибешься – в проигрыше останусь я. – Каштан переглянулся со Штырем, снова посмотрел на Игната и сказал: – Пожалуй, я помогу

тебе. Сегодня вечером мы с тобой провернем одно дельце. Если получится – я прощу тебе долг. Идет?

Мальчик молчал.

– Так ты согласен или нет? – нетерпеливо спросил Каштан.

– Я больше не хочу этим заниматься, – тихо сказал Игнат.

Каштан быстрым движением схватил мальчика за ворот ветровки и притянул к себе.

– Слушай сюда, пацан, – холодно заговорил он, – мне плевать, что ты хочешь, а что нет. Ты сделаешь то, о чем я попрошу. Или я потребую, чтобы ты вернул долг прямо сейчас. Без всяких отсрочек.

– Я ведь сказал, что сейчас у меня ничего нет. Но завтра...

– Завтра, – перебил его Каштан, – тебя найдут в реке с разбитой головой. И никто – слышишь, никто за тебя не вступится. А если вздумаешь убежать, я тебя из-под земли достану. Я не собираюсь с тобой шутить, парень. Но я предоставляю тебе выбор.

Каштан разжал пальцы и откинулся на спинку скамейки.

– Ну, так как? – спросил он. – Ты готов обсудить дело?

– Ладно, – ответил мальчик угрюмо. – Но это будет последний раз.

– Конечно.

– И ты простишь мне долг? – все еще недоверчиво спросил мальчик.

Каштан кивнул:

– Да. До последней копейки.

Мальчик перевел дух.

– Значит, сегодня ночью? – повторил мальчик.

– Сегодня ночью, – кивнул Каштан. – Провернем эту операцию и разбежимся. Согласен?

Мальчик глубоко вздохнул и тихо ответил:

– Да.

На «операцию» Каштан сам не пошел – у него нашлись какие-то другие, более важные дела. Вместо Каштана с мальчиком отправились его верные опричники – Штырь и Шар. Штырь, тощий и длинный, как деревянная палка, и такой же крепкий, Шар – приземистый, широкоплечий, сильный и упорный, как барсук.

Подсадив мальчика до форточки первого этажа, парни отошли от здания шагов на двадцать и достали по сигарете. Курили они молча, стараясь держать сигареты в пригоршне так, чтобы пылающие огоньки не привлекали чужого внимания.

Однако на этот раз избежать чужого внимания парням не удалось. Какой-то прохожий внезапно свернул с освещенной части дороги в темень и остановился перед бандитами.

– Хороший вечер, парни, – громко сказал он.

Штырь вытянул худую шею и прищурился на незнакомца, а Шар посмотрел на него исподлобья. Фонарь светил незнакомцу в спину, поэтому лица его было не разглядеть.

– Слышь, дядь, шел бы ты отсюда, – с угрозой в голосе произнес Штырь.

– Да, дядя, иди своей дорогой, – пробасил Шар. И добавил с усмешкой: – Если не хочешь нарваться.

Мужчина продолжал стоять.

Штырь и Шар переглянулись.

– Ну, все, мужик, ты нарвался! – грозно рявкнул Штырь, достал из кармана куртки нож и выщелкнул лезвие.

Незнакомец и на этот раз не шелохнулся.

Тогда Штырь подал знак Шару, и тот стал обходить высокого незнакомца слева, одновременно доставая из-под куртки обломок железной трубы.

Однако странный незнакомец снова ничего не предпринял.

– Вали его, Шар! – крикнул тогда Штырь и кинулся на незнакомца, ожидая, что тот повернется и бросится бежать.

Но Штырь просчитался. Вместо того чтобы убежать, таинственный незнакомец сам шагнул навстречу Штырю и – принял бой.

Спрыгнув на землю, мальчик быстро огляделся по сторонам и увидел неподалеку огонек сигареты. Мальчик поправил на плече кожаный рюкзачок и рысью побежал на огонек. Не добежав двух метров, он остановился и удивленно воскликнул:

– Каштан? А где Штырь и Шар?

– Ушли.

Каштан швырнул окурок в лужу и повернулся к мальчику.

– Я все сделал, – сказал мальчик. Он снял рюкзак с плеча и потряхнул им в воздухе. – Здесь то, что ты просил. Теперь я тебе ничего не должен!

Мальчик повернулся, чтобы идти.

– Эй, парень, – окликнул его хриплый шепот. – Есть разговор.

«Ну вот, как я и думал. Они не станут оставлять свидетеля, ведь я могу их сдать. Но бежать я от них больше не буду». Мальчик сжал кулаки и обернулся, собираясь дорого продать свою жизнь.

Каштан шагнул под фонарь. Свет фонаря упал ему на лицо, и мальчик вскрикнул. Перед ним стоял отец Андрей собственной персоной.

– Дьякон! – изумленно проговорил мальчик. – Что вы тут делаете?

– Ты так быстро ушел из ресторана, что мы не закончили разговор, – улыбнулся отец Андрей. – Я пришел его закончить.

Мальчик еще несколько секунд пялился на дьякона, потом завертел головой по сторонам.

– Если ты ищешь своих друзей, то их здесь нет, – сказал дьякон. – Они попытались напасть на меня, но у них не вышло.

– И где они теперь? – спросил мальчик.

Отец Андрей усмехнулся и ответил:

– Полагаю, уже очень далеко. – Затем протянул руку и потребовал: – Дай мне рюкзак.

Мальчик прижал рюкзак к груди.

– Зачем?

– В нем есть вещи, которые тебе не принадлежат. Мы вернем их владельцу.

– Там только мои вещи!

Дьякон поморщился.

– Перестань. Ты ведь умный парень.

– Да. Хорошо. Я отдам. Вот, держите!

Мальчик сделал вид, что протягивает рюкзак дьякону, но вместо этого швырнул его за железную ограду сквера. Дьякон повернулся к ограде, и мальчик, воспользовавшись моментом, дал деру.

Однако ускользнуть от странного дьякона было не так-то просто. Мальчик всегда считал себя отличным бегуном, но дьякон, несущийся за ним по пятам по ночному городу, не отставал ни на шаг. Так они бежали минуты две, потом мальчик резко отпрыгнул в сторону, ловко, как кошка, взбежал по стене дома, запрыгнул на балкон второго этажа, с него перебрался на балкон этажом выше, потом еще выше, взлетел на крышу, перебежал на другой конец и, не останавливаясь, перепрыгнул через железную ограду на жестяную крышу беседки.

Он был уверен, что оторвался от дьякона, потому что ни один взрослый на свете не смог бы повторить этот трюк.

Спрыгнув с крыши беседки на землю, мальчик обежал колючий кустарник и оказался аккурат в том месте, где должен был лежать, дожидаясь его, кожаный рюкзачок.

Рюкзачка, однако, не было. Мальчик опустился на колени

и принялся шарить руками в траве и вдруг услышал над самым ухом:

– Привет, Игнат! Что-то потерял?

Мальчик вскочил на ноги обернулся. Отец Андрей стоял перед ним, насмешливо склонив голову набок. На плече у него висел кожаный рюкзак.

– Но как вы... – «Как вы здесь оказались?» – хотел спросить мальчик, но лишь закусил губу, испытывая по отношению к дьякону чувство, похожее на трепет, который испытывает человек, столкнувшись с чем-то сверхъестественным.

– Ты здорово утомил меня своей беготней, – сказал дьякон. – Пойдем-ка ко мне домой и поговорим. С первого раза у нас не получилось стать друзьями. Думаю, горячий чай с вишневым вареньем поможет растопить лед.

– А как же рюкзак? – упавшим голосом спросил Игнат.

– Мы вернем его содержимое владельцу, – ответил дьякон. И добавил: – С сегодняшнего дня, Игнат, ты больше не вор, а добропорядочный член общества.

– Черт, – пробормотал Левкус, шагая по мягкому ковру. – Черт, черт, черт...

Он вошел в гостиную и нахмурился.

– Павел Иванович! – всхлипнула полная женщина, поднимаясь с кресла навстречу Левкусу.

Левкус обнял женщину и погладил ее ладонью по спине.

– Нужно крепиться, Марь Иванна. Нужно крепиться.

Когда женщина, всхлипывая, села обратно в кресло, Левкус двинулся к кабинету судьи.

Капитан Звягинцев, выходявший в это время из кабинета, увидел Левкуса, кивнул ему и вернулся вместе с ним в кабинет. Левкус пожал ему руку и подошел к старинному дивану, обтянутому коричневой кожей. Судья лежал на диване с закрытыми глазами и по виду был больше похож на спящего, чем на мертвеца.

Пожилой эксперт Штерн курил у окна. Увидев Левкуса, он поспешно затушил окурок в пепельнице и шагнул навстречу майору. Левкус сделал нетерпеливый жест и проговорил:

– Давай, Василь Петрович, только без вступлений.

– Полагаю, что смерть наступила в результате сердечного приступа, – отрапортовал старик Штерн.

– Отпечатки, следы борьбы?

Эксперт покачал головой:

– Ничего. На столе стояла кружка с недопитой водой, а рядом – таблетки валидола. Человеку просто стало плохо, он принял валидол и лег на диван.

– И умер, – глухо договорил Левкус. – Что еще?

Василий Петрович повернулся, достал из чемоданчика пакет и протянул его майору:

– Посмотрите на это.

Брови майора взлетели вверх.

– Как? – спросил он дрогнувшим голосом. – Опять? Шахматная фигура?

– На этот раз конь, – сказал судмедэксперт. – Он был во рту у судьи.

Левкус взял пакетик с черным шахматным конем, повертел его в руках и вернул эксперту.

– Вот черт... – пробормотал он в который раз за вечер.

– Есть еще кое-что странное, – сказал Штерн.

Левкус цепко прищурился.

– Что именно?

– Откиньте судье со лба волосы.

– Зачем?

– Откиньте и увидите.

Левкус склонился над лежащим на диване мужчиной и брезгливым движением откинул с его лба слипшиеся волосы.

– И что? – спросил он.

– Приглядитесь внимательно, – сказал эксперт.

Левкус прищурил глаза и внимательно посмотрел на лоб мертвеца. Теперь и он различил четыре бледно-голубые цифры – у самых корней волос. Цифры эти были: 27–29.

– Черт... – пробормотал Левкус не то ошеломленно, не то испуганно. – Что это значит?

Звягинцев и Штерн молчали.

– Вот что, Звягинцев, – сказал тогда Левкус, – сфотографируй эту надпись и покажи ее жене судьи. И дочери. А также знакомым и коллегам – всем, кого найдешь. Может, они знают, что это за цифры.

Звягинцев кивнул и подозвал молодого фотографа.

– Вась, сделай несколько четких снимков!

Тот кивнул и защелкал фотоаппаратом. Еще минут пятнадцать Левкус топтался возле трупа, задавая вопросы Звягинцеву и Штерну. Наконец, в кабинет вошли два санитара с носилками и грубовато осведомились:

– Можно, что ли, уносить?

– Уносите! – разрешил Левкус.

Мужчины молча переложили тело судьи на носилки и так же молча вынесли его из кабинета. За дверью слышались рыдания – это вдова увидела мертвого мужа.

Звягинцев и Левкус посмотрели в сторону двери и вздохнули.

– В углу комнаты мы нашли таблетку, – тихо сказал капитан.

– Валидола? – прищурился на него Левкус.

Следователь покачал головой:

– Нет, другая. Коричневая. Я уже отослал ее на экспертизу.

– Хорошо, – сказал Левкус, хотя ничего хорошего в этом известии не было.

Левкус достал сигареты, закурил.

– Что думаешь, Василий Петрович? – спросил он пожилого эксперта. – Это в самом деле сердечный приступ?

– Насколько я могу судить, да, – ответил эксперт, слегка смутившись. – Вскрытие покажет.

Левкус представил себе бодрое, румяное, улыбающееся лицо судьи Трофимова и усмехнулся.

– Н-да... Судья здорово бы удивился, если б услышал этот наш разговор. Наверно, надеялся прожить сто лет. Гимнастика, плавание, обтирание снегом... Не помогло. И что это за цифры у него на лбу? Насколько я помню, большего педанта и аккуратиста, чем Трофимов, найти было нельзя. Он даже руки мыл, как хирург, – тщательно отскабливая каждый палец.

Эксперт молчал, не зная, что сказать.

– Отравление исключаешь полностью? – вновь заговорил майор Левкус. – Сейчас ведь есть яды, по эффекту схожие с сердечным приступом?

– Всекие есть, – ответил Василий Петрович. – Но, даже если это так, мы, скорей всего, ничего не найдем.

– Почему?

– Во-первых, современные яды очень быстро разлагаются, не оставляя следов.

– А во-вторых?

– Во-вторых, у нас здесь не Москва, Павел Иванович. Нужны условия, аппаратура, реактивы... Здесь ничего этого нет.

– Я достану все, что нужно, – угрюмо сказал Левкус. – И немедленно. – Он вмял окурок в пепельницу, хмуро посмотрел на Штерна и приказал: – Поехали в лабораторию.

Пожилой эксперт вздохнул и тоже нахмурился, давая понять, что не видит в такой спешке никакого смысла, однако с Левкусом предпочел не спорить.

Глава 2

Дама под черной вуалью

*И кто-то подойдет и тронет занавеску,
и поглядит...*

Евгений Рейн

Гастингс, Англия, сентябрь 1895 г.

Банкет по случаю окончания шахматного турнира удался на славу. Лакеи, прислуживающие у стола, не успевали обновлять гостям бокалы, фужеры и рюмки.

На дальнем конце стола сидели двое не старых еще мужчин и тихо беседовали.

– Я только что из России, – говорил один, в золоченом пенсне, – и не следил за турниром! Кто победил?

– Первое место занял Гарри Пильсбери, – ответил ему товарищ. – Он американец, и ему всего двадцать три года. Он сумел обойти нашего Чигорина и обоих чемпионов мира – и первого, и второго. У парня большое будущее!

– А чемпионы – это кто?

– Э, да ты, я вижу, совсем далек от шахмат. Вон тот пожилой господин с каштановой бородой и одутловатым лицом – видишь?

– Ну.

– Это первый чемпион мира – Вильгельм Стейниц. Он австриец. А рядом с ним – молодой усач.

– С подвижным лицом?

– Угу. Этот усач – второй чемпион, Эмануил Ласкер. Он немец. Ему двадцать семь лет, в прошлом году он обыграл Стейница и забрал у него титул.

– Ясно. А что же наш Чигорин? Тоже чемпион?

– Он побивал Стейница несколько раз, но на матчах за звание чемпиона проигрывал. Однако многие считают его лучшим шахматистом мира. На этом турнире он занял второе место – аккурат за молодым американцем.

Собеседник поправил пальцем сползающее золоченое пенсне и уточнил:

– Выходит, тоже обошел чемпионов?

– Выходит, так. Потому такой радостный.

– Что ж, выходит, и мы, русские, что-то можем!

– Многое можем, друг мой, многое! Дайте срок, и русские шахматисты завоюют шахматную корону. Да что завоюют – завоевать это полдела. Они будут удерживать ее двадцать... нет, тридцать лет подряд!

– И вы правда в это верите?

– Конечно! Стейниц сам назвал нашего Чигорина лучшим шахматистом в мире! А Ласкер, я слышал это от компетентных людей, так вот, Ласкер боится играть с Михал Иванычем!

– Что ж, ура Чигорину?

– Ура Чигорину!

Мужчины чокнулись фужерами и выпили.

Высокий, широкоплечий мужчина лет сорока, с красивой каштановой бородой и ясным взглядом поднялся с места и постучал вилкой по бокалу.

– Господа, прошу слова! – крикнул он басом.

Шум тотчас стих. Один лишь американский шахматист

продолжал по инерции что-то говорить своему соседу. Грузный, пожилой человек со востановленной бородой, сидящий с другой стороны от американца, ткнул его локтем в бок и сказал:

– Тише, Гарри! Великий русский говорит!

– Не такой великий, как вы, Вильгельм, – со смехом сказал пожилому бородачу Чигорин. – Господа, я хочу поднять этот тост за лучших шахматистов мира, которые собрались за этим столом! Первым сегодня стал Гарри Пильсбери, – продолжал Чигорин. – Ему всего двадцать три года. В сравнении с ним я и мистер Стейниц совершенные старики!

Стейниц покосился на молодого победителя и усмехнулся в бороду.

– Но с нами еще не покончено! – громогласно объявил Чигорин. – Мы еще себя покажем! Именно в этом и заключается суть моего тоста. Я пью за новый турнир и уверен, что он пройдет в Санкт-Петербурге!

– Там, говорят, жуткий холод, – заметил Гарри Пильсбери, совсем юный, худощавый, светловолосый.

– Это верно, – согласился Чигорин. – Но, слава богу, у нас есть чем согреться. – Он поставил бокал с шампанским на стол и взял пустой фужер. – А ну-ка, господин распорядитель, налейте мне русской водки. Да ну, куда ж вы льете? В фужер ее! Да не скупитесь, лейте до краев!

Солидный господин во фраке послушно наполнил Чигорину фужер.

Молодой усач, которого человек в пенсне назвал новым чемпионом и которого звали Эмануил Ласкер, заметно оживился.

– Вы собираетесь выпить эту водку залпом? – поинтересовался он.

– Разумеется! – басом ответил Чигорин.

– Гм... – В глазах Ласкера зажегся интерес. – Если вы выпьете этот фужер залпом и не поморщитесь, я приеду в Россию.

– Считайте, что вы уже там.

– Десять баксов на то, что поморщится, – шепнул Ласкер на ухо юному Пильсбери.

– Принято, – ответил тот.

Чигорин запрокинул голову и в три глотка опустошил хрустальный фужер. Затем швырнул его через плечо и сказал:

– На удачу!

– На удачу! – подхватила публика, сидящая за длинным столом.

Усатый Ласкер нагнулся к американцу и сказал ему на ухо:

– А этот русский умеет пить.

– Главное, что он умеет играть в шахматы, – с мягкой улыбкой ответил ему Пильсбери. Он повернулся к Чигорину, который все еще возвышался над столом, и громко спросил: – Господин Чигорин, а на каком языке мы будем говорить в России?

– Я выучу русский язык! – заявил вдруг Ласкер пьяным голосом. – Сто новых слов в день для меня пустяк!

– Когда я учил испанский, мне и ста пятидесяти было мало, – мягко заметил Гарри Пильсбери.

– А у меня на изучение новой лексики обычно уходит около двух месяцев! – невозмутимо объявил бородатый патриарх Стейниц.

– Что ж, господа, в таком случае, у вас не будет проблем с общением! – весело сказал Чигорин. – Кстати, несколько российских меценатов уже дали согласие поддержать Санкт-Петербургский турнир!

Стейниц пригладил ладонью косматую бороду и сказал:

– В таком случае... ура турниру?

– Ура турниру! – крикнул Чигорин.

Несколько голосов нестройно поддержали его, и шампанское полилось рекой.

Санкт-Петербург. Три месяца позже

В два часа пополудни возле гостиницы «Корона» остановились сани. С них сошел молодой человек выше среднего роста, с тонким, породистым лицом и большими серыми глазами. Одет молодой человек был в пальто и кепи, в правой руке он держал прекрасную трость с золотым набалдашником, а в левой – большой саквояж из желтой свиной кожи, с золотыми, ярко сверкающими на солнце застешками.

Молодой человек огляделся по сторонам и улыбнулся, затем бодрой, но несколько расслабленной походкой, поскрипывая колючим снежком, направился к дубовым дверям гостиницы.

В гостинице выяснилось, что молодой человек забронировал номер на имя Гарри Н. Пильсбери, подданного Североамериканских Штатов. Номер ему был предоставлен отменный, и молодой человек не высказал по поводу его убранства никаких нареканий.

Лакей, который занес за мистером Гарри Н. Пильсбери саквояж, получил на чай гривенник и собрался уж было уходить, но молодой американец окликнул его.

– Эй, мальй, – сказал он. – Как тебя зовут?

— Артемий, — ответил лакей, глядя на иностранца вежливо и предупредительно, но без излишнего подобострастия.

Несколько секунд американец взглядывался в лицо лакея, и судя по всему, лицо это показалось ему заслуживающим доверия.

— Вот что, Арти, — снова заговорил молодой человек правильным русским языком, но с акцентом, который безошибочно выдавал в нем иностранца. — Не будешь ли ты так добр и не отнесешь ли мои грязные вещи прачке?

— Не извольте беспокоиться, сделаю все лучшим образом, — заверил его лакей.

Господин Гарри Н. Пильсбери достал из своего огромного саквояжа шелковую рубашку и пару белья, завернутую в английскую газету, и протянул все это лакею.

Тот с поклоном принял вещи и снова повернулся к двери.

— Постой! — опять окликнул его юноша. — Пусть стирает в мягкой воде, душистым мылом. И обязательно накрахмалит. За деньгами не постою.

— Сделаем! — кивнул лакей.

— И еще: посоветуй, пожалуйста, где мне пообедать?

Лакей задумался.

— Если хотите вкусно покушать, могу порекомендовать «Метрополь» на Невском, — сообщил он. — У меня, ваша светлость, брат там работает официантом. Осетрина свежайшая, паровая стерлядь, расстегаи, икра! Прикажете — я прямо сейчас кучера свистну!

– Ты очень завлекательно говоришь, Арти.

Лакей улыбнулся.

– Правда ваша. Так свистеть кучера-то?

Американец достал из кармана серебряные часы, щелкнул крышечкой, глянул на циферблат, прикинул что-то в уме и сказал:

– Свисти через двадцать минут. А я пока распакую вещи.

– Слушаюсь!

Лакей взялся за ручку двери.

– Арти, постой! – вновь окликнул его американец.

– Чего изволите?

– А как у вас тут насчет... – Пильсбери слегка стушевался, но лакей понял все до того, как он закончил фразу.

– Не извольте беспокоиться, – с понимающей ухмылкой проговорил лакей. – Прикажете – доставлю. Блондинки, брюнетки – лучший товар во всем Петербурге!

– Я вижу, ты хороший работник. На, держи! – Американец вложил в протянутую ладонь полтину. Лакей склонил вихрастую голову:

– Премного благодарен, господин Пил...

– Пильсбери, – помог лакею американец. – Сложная фамилия для русского уха. Но при желании можно запомнить и ее.

Спустя полчаса Гарри Пильсбери ехал на санях по большому русскому городу Санкт-Петербургу. Широкая Нева

замерзла, и вся была испещрена черными фигурками людей. На широких, прямых улицах там и тут горели костры, вокруг которых грелись слуги, ожидающие своих господ.

Санкт-Петербург готовился к Рождеству и Новому году. Через все ворота в русскую столицу въезжали вереницы черных саней, нагруженных бочками и тюками с мясом, рыбой, икрой и соленьями.

До ресторана Пильсбери добрался меньше чем за двадцать минут. В передней лакей заботливо снял с молодого человека пальто, принял его трость и шляпу. Гарри Н. Пильсбери остался в модном светлом драповом сюртуке.

Подскочил метрдотель в немецком платье и провел его в зал, где сдал с рук на руки молодому официанту с желтым скуластым лицом. Одет официант был в довольно засаленный, но чистый фрак и светлый передник.

– Изволите карту вин?

Молодой американец потеревил по-юношески пухлую губу и сказал задумчиво:

– Не надо вина. Принесите мне русскую водку.

– Какую изволите?

– А она у вас разная? – приподнял брови Пильсбери.

– Пятнадцать сортов! – с гордостью сообщил официант.

– Гм... – Пильсбери вновь подергал губу, – вы вот что – выберите-ка мне водку на ваш вкус.

– Рекомендую листовку, – с вежливой улыбкой сказал

официант. – Особенная водка!

– Хорошо, неси листовку, – немедленно согласился молодой человек и вздохнул с облегчением.

Однако официант тут же озаботил его новым вопросом.

– Сколько водки изволите?

На этот раз молодой американец нашелся сразу.

– На одного, – ответил он.

– Чем изволите закусывать?

– Закусывать? А... что есть?

Официант сладко улыбнулся и принялся тараторить:

– Соленые хрящи, балык, молоки, икра черная и красная...

– Да-да, несите! – кивнул Пильсбери, у которого уже голова шла кругом от русской речи, к которой он не успел как следует привыкнуть и которую знал в основном только по словарям, учебникам и книгам. – Что еще? – спросил он, видя, что официант не уходит.

– Что желаете покушать на обед? – осведомился тот.

«Верно, – подумал Пильсбери, – я заказал «закуску». Это не совсем еда. И, должно быть, порции у этой «закуски» совершенно мизерные. Теперь надо заказать «еду»!»

– Ах, обед... – сказал он вслух. – Давайте на ваш вкус. Но только одно блюдо, – мягко добавил Пильсбери, не привыкший есть много.

Официант на мгновение задумался, затем улыбнулся и сказал:

– Котлеты из пулярды с трюфелями. А к ним чего-нибудь

легкого – вроде разварных груш с рисом.

– Хорошо, – поспешно кивнул Пильсбери. – Несите котлеты и груши.

Официант исчез так же стремительно, как и появился. Дожидаясь заказа, Гарри разглядывал публику. «Народ как народ, – думал он. – Разве только на улице смешно выглядят – так то из-за одежды. По такой погоде в легком спортушке не пощеголяешь. Нужно непременно в шкуры закутаться. А как иначе!»

Рядом что-то стукнуло. Пильсбери краем глаза увидел, что с соседнего столика, за которым сидели три женщины, упала медная пудреница. Будучи чрезвычайно ловким молодым человеком, Гарри в мгновение ока поднял пудреницу с пола и протянул ее самой старшей из женщин – по-видимому, матери или тетке двух розовощеких, миловидных девиц.

– Мерси, – сказала пожилая леди и передала пудреницу одной из девушек, брюнетке с завитыми локонами, в руках у которой была маленькая книга.

– No problems! – ответил ей Гарри, по оплошности переходя на английский.

Завитая брюнетка взмахнула длинными ресницами и удивленно спросила:

– А ю инглишмен?

– Ноу. Позвольте представиться – Гарри Н. Пильсбери. Гарри приподнялся со стула и вежливо поклонился.

– Так вы говорите по-русски! – обрадовалась девушка.

– Вы заметили? – Пильсбери улыбнулся. – О да, говорю. И у меня недурно получается, правда?

– Совсем недурно, – сказала пожилая леди.

Девушка с книгой в руках смутилась и покосилась на мать.

– Мадам, прошу прощения, если я перешел черту, – сказал Пильсбери со всем возможным тактом. – Я не очень хорошо знаком с русскими обычаями.

– Ничего, батюшка, ничего. – Пожилая леди позволила себе улыбнуться. – Так, значит, вы из Англии?

– Нет. Я из Америки. Но мне неловко сидеть к вам спиной. Если позволите – я пересяду за ваш столик.

– Будьте любезны, батюшка. Всегда рада поговорить с приличным человеком.

Пильсбери подал знак официанту, чтобы тот подал обед на соседний стол и пересел. Усаживаясь, он не отводил взгляда от брюнетки. Впрочем, и вторая девушка – светловолосая, с пухлыми щечками, также привлекла его внимание. «А не дурна, – подумал он. – Очень недурна!»

Пожилая леди перехватила его взгляд. Усмехнулась.

– Это мои дочери, – сказала она. – Эта вот – белобрысая – Варя, а эта – красная, как рак, – Маша.

– Очень рад! – поклонился Пильсбери, привставая.

– Что это вы, батюшка, все скачете, – усмехнулась пожилая леди. – Или у вас в Америке так принято?

– Так принято, – ответил Пильсбери.

Разглядывая девушек из-под полуопущенных ресниц, Гарри машинально достал из кармана свой портсигар с сигаретами, но тут же спохватился и вежливо спросил, обращаясь ко всем трем женщинам сразу:

— Пардон. Вы разрешите?

— Курите, курите, — разрешила пожилая леди. — Мой муж тоже курит. Дымит, как пароход. А уж как сердешный кашляет по утрам... Вы-то, я чай, здоровы?

— Весьма.

— И как вам у нас, в России? — поинтересовалась пожилая леди.

— Я только сегодня приехал, — ответил Пильсбери. — И еще не успел толком все осмотреть. Но первое впечатление у меня приличное.

— Эх вы странно выражаетесь — «впечатление приличное», — улыбнулась пожилая леди. — Откуда ж наш язык знаете, батюшка?

— По словарям выучил, — ответил Пильсбери и слегка приосанился.

— Вот как! Долгонько, должно быть, учили.

— Не очень. Три месяца.

Пожилая леди недоверчиво прищурилась.

— Это как же такое возможно? Оговорились вы, батюшка. Верно, хотели сказать три года?

— Нет, именно три месяца! — возразил Пильсбери, с удовольствием отмечая, что блеск в глазах девушек растет

пропорционально их заинтересованности. — Дело в том, что у меня необычная память. Мне достаточно один раз взглянуть на страницу, чтобы полностью запомнить все, что на ней написано.

Пожилая леди сухо улыбнулась.

— Экий вы народ, петербуржцы! Нешто думаете, что раз мы из Тулы, то нас и обмануть ничего не стоит?

Ресницы брюнетки дрогнули, она вроде бы обиделась. Хотя непонятно, на кого — то ли на мамашу, обижаящую недоверием иностранца, то ли на самого иностранца, который, как выяснилось, вовсе никакой не иностранец, а местный, питерский, насмешиник, решивший поиздеваться над провинциалами.

— Но я говорю правду! — сказал Пильсбери. — Мадемуазель Мэри, разрешите взглянуть на вашу книгу?

Брюнетка испуганно посмотрела на мать. Та кивнула. Тогда девушка неуверенно улыбнулась и протянула книгу американцу.

— Пожалуйста, — тихо сказала она.

Пильсбери взял книгу, затем посмотрел на девушку и мягко произнес:

— Будьте добры — загадайте страницу.

— Девятнадцатая, — ответила девушка и покраснела.

Пильсбери открыл книгу на девятнадцатой странице, едва скользнул взглядом по строчкам, закрыл книгу и вернул ее девушке. Затем процитировал — голосом тихим, бархати-

стым, почти слащавым:

*Ты светлая звезда таинственного мира,
Когда я возношусь из тесноты земной,
Где ждет меня тобой настроенная лира,
Где ждут меня мечты, согретые тобой.
Ты облако мое, которым день мой мрачен,
Когда задумчиво я мыслю о тебе,
Иль исчисляю путь, который нам назначен,
И где твоя судьба чужда моей судьбе.
Ты тихий сумрак мой, которым грудь свежееет,
Когда на западе заботливого дня
Мой отдыхает ум и сердце вечерееет,
И духи смертные нисходят на меня.*

– Так вы знаете эти стихи? – взволнованно проговорила Маиа.

– Только что прочел, – с улыбкой ответил Пильсбери, глядя на девушку лучистыми глазами.

– Не может быть, – усомнилась мамаша. – А ну-ка – другую.

Она вынула книгу из рук второй дочери («А я и не заметил, что у нее тоже книжка!» – подумал, удивляясь своей рассеянностью, американец) и протянула ее Пильсбери. Тот взял книгу и глянул на обложку. «Гадание на кавалера по цветам луговым и садовым» – гласило название.

– Назначайте страницу, – мягко попросил Пильсбери.

– Двадцать пятая, – тихо пробормотала блондинка.

Пильсбери нашел нужную страницу, едва на нее посмотрел и тут же закрыл книгу.

– Ну те-с? – поинтересовалась мамаша. – Что там написано?

– Какую строку сверху? – уточнил Пильсбери.

Пожилая леди глянула на страницу, облизнула губы и объявила:

– Давайте со второго абзаца и четыре строки.

– «Этот цветок в руке кавалера означает смятение и ложный посыл. Отвечать такому кавалеру нужно учтиво, но сдержанно. Ежели стебель цветка надломлен, то это может значить только одно...» – процитировал Пильсбери, пристально, но мягко глядя в глаза блондинке, которая не знала, куда девать глаза от смущения.

– В точности так! – удивленно произнесла мамаша. – Да вы чудотворец, батюшка! А как насчет следующего абзаца?

Пильсбери слегка прищурил на блондинку Варю глаза – де-вушка зарделась и отвела взгляд.

– Увы, следующий абзац я не запомнил, – сказал американец.

Девушка благодарно посмотрела на Пильсбери.

– Это же надо! – воскликнула пожилая леди. – Маша, ты слышала? Варя, ты слышала? Вот так мистер американец. Это что же, в Америке все такие?

– О, нет! – Пильсбери засмеялся. – Такой, как я, суще-

ствует в единственном экземпляре. Я своего рода уникам!

– Притом очень скромный уникам, – заметила Машиа, стрельнул в американца быстрым, насмешливым взглядом, но тут же, по своему обыкновению, покраснела.

К столу подошел толстый пожилой осанистый господин с отечным лицом и пушистыми усами.

– А, пришел наконец! – поприветствовала его пожилая леди. – А я уж думала, куда ты пропал? Вот, Олег Иванович, познакомься – это мистер из Америки! А это – мой муж, Олег Иванович Крамской!

Пильсбери встал и пожал руку отечному усачу.

– Очень рад, – сказал тот равнодушным голосом и снова повернулся к жене: – Дорогая, нам пора ехать. Петрушевы, поди, уже заждались. А я обещал.

– Да-да, идем. – Мамашиа и ее дочери поднялись из-за стола. – Жаль, что мало поговорили, батюшка, – с улыбкой сказала пожилая леди американцу. – Ну, бог даст, еще свидимся.

– Гудбай! – проворковала брюнетка.

– Прощайте! – прощebetала блондинка.

После чего вся четверка повернулась и величественно покинула зал.

Снова оставшись в одиночестве, Пильсбери вздохнул и пробормотал:

– Russian girls... Ты светлая звезда таинственного мира... Very beautiful...

Подошел официант с закусками и принялся выставлять на стол большие тарелки с икрой, хрящами и красиво нарезанными ломтиками рыбы. Управившись с тарелками, он поставил на стол большую, широкую бутылку с водкой.

— Это все мне? — изумленно спросил Пильсбери, глядя на водку и закуски.

— Именно так-с, — поклонился официант. — Когда покончите с закусками — дайте знак, и я принесу горячее!

Официант набросил на руку полотенце, повернулся и удалился — быстрый, вежливый, предупредительный.

Через час Гарри «отвалился» от стола, чувствуя, что вот-вот лопнет от съеденных блюд. Водки он не выпил и половины, хотя уже чувствовал себя пьяным.

«Такие обеды не для моей комплекции, — подумал он, морщась от тяжести в животе. — Надо бы пройтись пешком, встряхнуться».

Американец расплатился с официантом и собрался подняться из-за стола, когда к нему подскочил другой лакей с маленьким серебряным подносом на растопыренной ладони.

— Господин Пильсбери? — осведомился он у американца.

— Да, это я, — ответил Пильсбери несколько удивленно.

— Приказано передать вам лично в руки, — сказал лакей и протянул американцу поднос, на котором лежал белый конверт.

— От кого? — поинтересовался Пильсбери.

– Не могу знать, – ответил лакей.

Поскольку лакей назвал имя американца, сомнений в том, что этот конверт адресован именно ему, у Пильсбери не было. Поэтому он недрогнувшей рукой взял конверт с подноса, раскрыл его и достал маленький листок бумаги. На всякий случай поднес его к носу – не надушен ли? Листок был не надушен.

Пильсбери немного поскущел, но тем не менее внимательно прочел послание.

Один король болезнь нашел.
Второй король с ума сошел.
Сгубила третьего дуэль.
Четвертый позабыл про хмель.
В гробах лежат три короля.
Да будет пухом им земля!

Подписи не было. Прочтя послание, Пильсбери быстро посмотрел по сторонам, надеясь поймать на себе взгляд анонимного шутника, который, по всем раскладам, должен был сидеть где-нибудь рядом и наблюдать за реакцией Пильсбери.

Однако никто из посетителей ресторана не смотрел на нашего американца. Пильсбери пожал плечами, поднял взгляд на лакея и спросил:

– Как выглядел человек, который вручил вам это письмо?
– Так ведь... обычно, – ответил лакей. – Шуба, шапка.

Лица я, признаться, не разглядел.

— Гм... Хорошо. Полагаю, он тебе заплатил?

— Так точно.

— Чего же ты ждешь?

Из этой реплики лакей понял, что несмотря на идиллическую внешность, молодой человек неплохо знаком с реальностью, по крайней мере с финансово-торговой ее стороной, а потому повернулся и резво удалился.

Американец еще некоторое время сидел за столом, перчитывая записку и размышляя. Потом пожал плечами, спрятал записку в карман сюртука, поднялся из-за стола и покинул зал ресторана с самым безмятежным лицом, напевая при этом песенку:

Хочу быть богатым, с вельможами знаться.

На озере Комо построить палатцу.

С толпой балеринок кутить до рассвета.

Но как же, друзья, мне устроить все это?

Ах, как же, друзья, мне устроить все это?..

Полчаса спустя к дверям гостиницы «Эсквайр», расположенной в небольшом желтеньком особняке, подкатили сани. На присыпанную снегом мостовую сошел грузный бородатый мужчина лет пятидесяти пяти.

Одет мужчина был прилично, но, пожалуй, не совсем опрятно. Его пальто было далеко не новым и плохо вычищенным. Странная по форме шляпа совсем не соответствовала пальто, более того – она не соответствовала всему облику бородатого господина. Однако на безымянном пальце правой руки господина сверкало кольцо с бриллиантом, ясно говорившее если не о состоятельности его обладателя, то, по крайней мере, об отсутствии нужды и о наличии «свободных средств».

Судя по всему, бородатый господин довольно наплева-тельно относился к своей внешности. Походка у него была немного неуклюжая и косолапая – с таким же изяществом по мостовой мог выхаживать медведь, обряженный в человеческое платье. Взгляд рассеянный, словно бы затуманенный какой-то постоянной мыслью, точившей его разум.

Однако, когда бородатый господин обращал на что-нибудь взор, туман рассеивался и взгляд его становился умным и проницательным, как у врача, учителя или писателя, – иными словами, как у человека, всему изведавшего цену и

понявшего, что цена эта не так уж велика.

В гостинице бородатый господин представился Вильгельмом Стейницем, а на вопрос портье – не немец ли он, ответил, что «нет, не немец, а скорее австриец». Номер он взял не роскошный, но и не бедный. Номер, в котором было все необходимое для жизни – кровать, диван, комод, стол со стулом, камин и две картины, писанные маслом и изображающие сцены из псовой охоты.

В номере Стейниц осмотрелся и пробормотал в бороду:
– Вполне удобно.

Затем дал лакею, занесшему чемодан, на чай, бросил шляпу на комод и прошел к окну.

Окна номера выходили на улицу. Некоторое время Стейниц стоял и считал проезжающие мимо сани, пытаясь найти в частоте их появления закономерность. Он еще шевелил губами, когда дверь у него за спиной скрипнула и нежный женский голос произнес:

– Могу я войти?

Стейниц обернулся и с удивлением посмотрел на девушку.

– Вы кто? – спросил он.

– Я? Горничная. Принесла вам горячую воду для умывания и бритья.

– Ах, да. Я совсем забыл, что в гостиницах существуют горничные. Как вас зовут, моя милая?

– Дуня.

– Дуня, – повторил Стейниц с улыбкой. – Красивое имя. Оно русское?

– Конечно.

– Дуня, я собираюсь пообедать. Но я впервые в вашем городе и ничего здесь не знаю. Если вы посоветуете мне хороший ресторан, я дам вам монету.

– Приезжие господы хвалят «Доминик», – сказала девушка. – Это на Невском, недалеко отсюда.

– «Доминик»? Полагаю, кучеры осведомлены о том, где он расположен, и довезут меня туда? Спасибо, моя милая. Вот вам монета.

Стейниц протянул девушке монету – пытаюсь ее взять, горничная выпустила из рук кувшин с горячей водой, и часть воды выплеснулась постояльцу на брюки.

– Бог ты мой! – вскрикнула горничная. – Я вас намочила! Простите великодушно!

Стейниц проследил за ее взглядом, оглядел пятно на панталонах и сказал:

– Действительно – намочили. Это моя вина. Вот вам еще монетка.

Горничная покраснела, но возражать не стала и монету взяла.

– Значит, «Доминик», – сказал Стейниц и взял с комода шляпу.

Горничная удивленно на него посмотрела.

– Как? Вы не будете переодеваться? – пролепетала она.

– Зачем?

– Но ваши панталоны облиты водой!

– Правда? – Стейниц опустил взгляд на панталоны. – Ах, да. Но ничего страшного. Я читал, что иностранцев любят в России. Особенно щедрых. Я иностранец, и я щедр. Следовательно, меня не выгонят из ресторана, даже несмотря на мокрые панталоны.

В «Доминике» Стейницу понравилось. Здесь было суетно и шумно, а он любил суету и шум, воспринимая их как необходимый фон для работы мысли. Помимо обеденных столов тут стояли столы, за которыми мужчины играли в шахматы, в карты и в домино. (Большая табличка извещала, что прокат шахмат стоит 30 копеек в час.)

На фоне этой веселой суеты мысль старого Вильгельма работала четче, и случайности как бы сами собой, почти без усилий с его стороны, складывались в закономерности, придающие реальности смысл и облегчающие существование.

Пожилого бородатого иностранца приняли в «Доминике» уважительно, усадили за лучший стол, как какого-нибудь родовитого дворянина или богатого купца.

Ознакомившись с меню, Стейниц заказал тройную уху, блины с черной икрой и полярную щуку в луковом соусе. Из напитков он выбрал водку, а в качестве легкой закуски к водке – соленые архангельские рыжики. Старый Вильгельм остался доволен.

У кушаний оказался не только великолепный вид, но и

отменный вкус. Время от времени вилка застывала возле рта Стейница, а взгляд его туманился. Это продолжалось несколько секунд, затем австриец легонько качал головой, словно выходя из какого-то сомнамбулического забытья, и продолжал трапезу.

Полярная щука привела Стейница в полный восторг. А что касается водки – то за ухой и блинами австриец прикончил аж четверть штофа. Водку Стейниц пил маленькими глотками, причмокивая губами и отирая густые усы. Он нашел, что водка имеет «специфичный» вкус.

Наконец все было съедено и выпито. Стейниц жестом позвал официанта и затребовал счет. Сумма оказалась не так уж и велика; впрочем, старый Вильгельм никогда не жалел о потраченных деньгах и никогда не пересчитывал за ресторанными лакеями.

Бородатый австриец полез в карман за кошельком, и тут по лицу его пробежала легкая тень. Дело в том, что Стейниц был рабом привычек, находя в их постоянстве зеркальное отражение незыблемости законов бытия, а потому всегда носил деньги в одном и том же кармане. Но сейчас их там не было.

Официант, заметив растерянность на лице бородатого иностранца, слегка забеспокоился. Но тот вдруг вынул руку из кармана и затребовал еще водки и закуски.

На этот раз из перечисленных лакеем закусок Стейница более всего заинтересовала балтийская килька, засоленная

в пряностях. Ему еще не приходилось пробовать ничего подобного.

Пока официант ходил за водкой и килькой, старый Вильгельм сидел за столом, уперев локоть в столешницу и положив бородастую щеку на кулак. Он смотрел на дюжего буфетчика, а также на громадного детину, дремлющего на стуле у входа.

– Эти ребята – настоящие громылы, господин Стейниц, – сказал сам себе старый Вильгельм. – Думаю, без потерь вам покинуть ресторан не удастся.

– Я не исключаю такого исхода. Но я не боюсь никаких громил.

– В схватке вам могут повредить голову, господин Стейниц, а с поврежденной головой вы можете проиграть турнир. Следовательно – схватки вам лучше всего избежать.

– Этот довод кажется мне вполне убедительным, господин Стейниц. Тем более что драка не входила в мои планы. Я пришел сюда всего-навсего пообедать.

Обсудив таким образом сам с собой сложившееся положение вещей, Стейниц стал обдумывать дальнейший план действий.

Подошедший официант поставил перед старым Вильгельмом графин с водкой и чашу с маленькими, серебристыми рыбками, украшенными зеленью и вымоченным в уксусе луком.

– Изволите еще чего-нибудь? – осведомился он, все еще с

некоторой тревогой поглядывая на иностранца.

– Только одного: чтобы ты ушел, – невозмутимо ответил ему Стейниц.

Официант склонил голову в поклоне и удалился. Прежде чем что-то предпринять, старый Вильгельм выпил рюмку водки и закусил ее пряной рыбкой. Понравилось. Он еще раз повторил эту процедуру, после чего внимательно посмотрел по сторонам и увидел, что за соседним столом трое играют в карты. Игра была старому Вильгельму не знакома. Однако, понаблюдав пять минут, он вполне уяснил себе ее правила.

– Господа, – обратился он к игрокам, повернувшись впол-оборота, – судя по всему, в эту игру можно играть и вчетвером, верно?

– Верно, – ответил за всех один, с самой дерзкой и веселой физиономией. – Хотите присоединиться?

– Только если вы не против.

– Что вы, мы всегда рады новому игроку! – ответил весельчак и подмигнул друзьям. «Обдерем иностранца как липку» – ясно говорил его взгляд. – Но я должен вас предупредить: мы не играем на честное слово. Чтобы включиться в игру, вы должны сделать ставку.

– И я ее сделаю, – сказал Стейниц. Он снял с пальца кольцо и протянул весельчаку. – Полагаю, для начала этого хватит.

Весельчак осмотрел кольцо и сказал:

– Более чем! Ваше кольцо можно разбить на три-пять ста-

вок! Вы согласны?

– Вполне, – кивнул старый Вильгельм и пересел за столик к игрокам.

Весельчак достал из кармана новую колоду карт и сорвал с нее упаковку.

– Начнем, пожалуй? – осведомился он у Стейница.

– Давайте, – ответил тот.

Весельчак принялся сдавать карты. Игра была незамысловатая, более того – она поддавалась счету. Через три хода Стейниц уже знал, какие карты на руках у каждого из игроков, более того – он вычислил три выигрышные комбинации. Одну из них австриец с успехом разыграл.

– Вам везет, – сказал весельчак, глядя на Стейница холодными глазами. – Еще партию?

– Извольте, – невозмутимо ответил Стейниц.

Весельчак достал новую колоду. Карты были розданы, игра началась. Не прошло и десяти минут, как старый Вильгельм снова выиграл.

– Пожалуй, на этом я закончу, – бесстрастно произнес Стейниц, сгреб в пригоршню деньги и подозвал официанта, чтобы расплатиться.

– Вы не можете просто уйти! – сказал один из игроков, когда Стейниц расплатился. – Вы должны дать нам шанс отыгаться!

– Если вы помните, в первый раз я вас обыграл, – спокойно сказал Стейниц. – Затем мы сыграли второй раз, это был

для вас прекрасный шанс вернуть свои деньги обратно. Но, к счастью для меня, вы не смогли его использовать. Если мы продолжим игру, мы рискуем пойти по кругу. Это в лучшем случае. В худшем – вы, господа, рискуете уйти отсюда без штанов, поскольку, как вы, вероятно, успели заметить, я отличный игрок. Следовательно – нам лучше не продолжать. Засим позвольте откланяться.

Все это было произнесено таким ледяным и таким невозмутимым тоном, что трое игроков не нашлись, что возразить.

Воспользовавшись их растерянностью, Стейниц встал из-за стола и покинул ресторан, пребывая в прекрасном расположении духа.

Прошло еще не меньше минуты, прежде чем игроки обрели дар речи. Наконец один из них с трудом произнес:

– Кто это такой, черт возьми?

Второй сдвинул брови и сказал:

– Кем бы он ни был, мы еще можем его догнать!

– На меня словно затмение нашло, когда он заговорил, – сообщил третий.

– На меня тоже, – подтвердил второй. – Вот что я думаю, господа: этот иностранец – колдун!

– Скорей уж фокусник, приверженец месмеризма, – возразил третий. – Их сейчас много развелось.

– Если это так, то мы еще дешево отделались!

Эта мысль показалась игрокам обоснованной, и их воин-

ственный пыл окончательно угас. Связываться с колдуном никому не хотелось. Да и проигрыш был не так велик, чтобы лезть из-за него в драку.

Однако вернемся к старому Вильгельму. Покинув ресторан и желая немного подышать свежим воздухом, он неторопливо зашагал по мостовой, постукивая тростью по серым, обледенелым булыжникам. На прохожих он не смотрел, однако крик разносчика газет привлек его внимание.

– Эй, мальчик! – позвал он. – Поди сюда!

– Свежие новости с английской биржи! Убийство семьи золотопромышленника! Приезд в столицу лучших...

– Если ты будешь так громко кричать, то рано или поздно лопнешь, – сообщил Стейниц мальчику и протянул ему блестящую монету.

Мальчишка всучил иностранцу газету, спрятал монетку в карман и заспешил дальше, оглашая улицу звонкими криками.

Взяв трость под мышку, старый Вильгельм развернул газету и на первой полосе увидел свое собственное изображение. Снимок был нечеткий, к тому же стоял австриец в окружении еще четырех человек. И тем не менее себя он опознал сразу – по осанке и бороде. Заголовок гласил:

ЧЕТВЕРО ВЕЛИКИХ СЪЕЗЖАЮТСЯ В СТОЛИЦУ, ЧТОБЫ ПОМЕРИТЬСЯ СИЛАМИ!

Стейниц насмешливо крикнул и пригладил бороду ладонью. И чего только не напишут господа газетчики, чтобы привлечь внимание обывателя. Впрочем, в данном случае они не соврали ни в одном слове.

Старый Вильгельм встряхнул газету, чтобы сложить ее, и вдруг увидел, что из газеты что-то выпало на мостовую. Несколько секунд Стейниц смотрел на белый прямоугольник, размышляя, стоит ли он того, чтобы ради него наклоняться? Решил, что стоит. Белый прямоугольник оказался конвертом. Надпись на конверте гласила:

Г-ну Стейницу

Австриец повертел конверт в руках, надеясь обнаружить еще что-нибудь, но не обнаружил. На всякий случай Стейниц внимательно посмотрел по сторонам, затем пожал плечами и, не без оснований полагая, что письмо адресовано ему, вскрыл конверт недрогнувшей рукой. В конверте находился листок бумаги, и вот что на нем было написано:

Один король болезнь нашел.

Второй король с ума сошел.

Сгубила третьего дуэль.

Четвертый позабыл про хмель.

В гробах лежат три короля.

Да будет пухом им земля!

– Ну, и что вы об этом думаете, господин Стейниц?

– Я думаю, что на поле не может существовать четырех королей одновременно, следовательно – это полная чушь.

– Но не касается ли дело политики, господин Стейниц? Политика допускает встречу сколь угодно большого количества королей – и все это в пределах одного поля. Что вы об этом думаете, господин Стейниц?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.